

INSPIRIA

КНИГА
ЛЕГЛА
В ОСНОВУ
СЕРИАЛА «ВЕРА»

РАССКАЗЫВАЯ СКАЗКИ

УБИЙСТВО ПО СОСЕДСТВУ:
СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭНН КЛИВЗ

INSPIRIA

Убийство по-соседству. Современный британский детектив

ЭНН КЛИВЗ

Рассказывая сказки

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кливз Э.

Рассказывая сказки / Э. Кливз — «Эксмо», 2005 — (Убийство по-соседству. Современный британский детектив)

ISBN 978-5-04-115986-3

Десять лет прошло с тех пор, как Джини Лонг обвинили в убийстве пятнадцатилетней Эбигейл Мэнтел. А теперь обитатели йоркширской деревни Элвет с ужасом узнают, что появились новые улики, свидетельствующие о невинности Джини. Значит, убийца Эбигейл все еще на свободе. Для Эммы Беннетт это открытие означает возвращение воспоминаний о жизнерадостной подруге – и о жутком зимнем дне, когда она обнаружила ее тело, лежащее в холодной канаве. Инспектор Вера Стэнхоуп начинает новое расследование в прибрежной деревне, и ее жители вынуждены вернуться в то время, о котором они надеялись забыть. Напряжение нарастает. Но чего они боятся больше – убийцы или собственного постыдного прошлого? Постепенно Вера узнает историю каждого из них и все больше убеждается, что вскоре ей предстоит раскрыть несколько страшных тайн.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115986-3

© Кливз Э., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	38
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Энн Кливз

Рассказываю сказки

© Булычева М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Глава первая

Эмма сидела у окна спальни и смотрела на ночную площадь. Ветер, грохотавший черепицей и свистевший по двору церкви, выплюнул банку из-под колы на асфальт. В ночь, когда умерла Эбигейл Мэнтел, была буря, и, казалось, ветер не утихал с тех пор – будто все эти десять лет бушевала непогода, град пулями барабанил по ее окнам и ветер вырывал деревья с корнями. Так и было – по крайней мере, с того момента, как родился ребенок. С тех пор, когда бы она ни проснулась ночью – покормить сына или встретить Джеймса, поздно вернувшегося с работы, – постоянно шумел ветер и гудел в ее голове, как бывает, когда приложишь к уху ракушку.

Джеймса, ее мужа, пока не было дома, но она ждала не его. Ее взгляд был сосредоточен на Старой кузнице, где Дэн Гринвуд делал горшки. В окне горел свет, и время от времени ей казалось, что она видит тень. Она представляла себе, как Дэн все еще работает, в своем синем холщовом фартуке. Как, прищурившись, лепит глину сильными загорелыми руками. Она представила себе, как оставляет ребенка, который крепко спит в кроватке, закутанный в одеяло. Выскальзывает из дома на площадь и, держась в тени, переходит ее и идет к кузнице. Вот она толкает одну из больших арочных дверей, как в церкви, и проходит внутрь. Под высокой крышей кузницы меж полукруглых балок, поддерживающих свод, видно черепицу. В своей фантазии она чувствует жар горна и видит на пыльных полках необоженные горшки.

Дэн Гринвуд поднимает на нее взгляд. Его лицо покраснело, в морщинах на лбу залегла красная пыль. Он отходит от скамьи, на которой сидел за работой, и подходит к ней. Она чувствует, как ее дыхание учащается. Он целует ее в лоб и начинает расстегивать рубашку. Касается ее груди, поглаживая и оставляя на коже следы красной глины, как у индейцев. Она чувствует, как глина засыхает, кожа стягивается, и она ощущает легкое покалывание.

Картинка померкла, и вот она снова в их с мужем спальне. Она осознала, что грудь ее покалывает от тяжести молока, а не от высохшей глины. Ребенок захныкал и начал слепо хватать воздух обеими ручками. Эмма подняла его из кроватки, чтобы покормить. Дэн Гринвуд никогда не касался ее, и, вероятно, никогда не коснется, сколько бы она об этом ни мечтала. Часы на церкви пробили полночь. Джеймс уже наверняка пришвартовал корабль в порту.

Такую историю Эмма рассказывала себе, сидя у окна в своем доме в деревне Элвет. Беглый обзор своих чувств, как будто она была посторонним, заглянувшим в ее мысли. Так было всегда – ее жизнь была чередой сказок. Перед рождением Мэттью она задумывалась, заставит ли ее появление ребенка больше включиться в жизнь. Ведь что может быть реальнее, чем труд? Но теперь, проводя мизинцем между ртом ребенка и своим соском, чтобы прервать кормление, она подумала, что это не так. К нему она испытывала не больше чувств, чем к Джеймсу. Была ли она другой до того, как нашла тело Эбигейл Мэнтел? Вероятно, нет. Она подняла сына на плечо и погладила его по спине. Он потянулся и схватил ртом прядь ее волос.

Комната находилась наверху аккуратного дома георгианской эпохи, из красного кирпича, с красной черепицей. Вход располагался посреди симметричного фасада с прямоугольными окнами. Дом построил моряк, торговавший с Голландией, и Джеймсу это нравилось. «Мы продолжаем традицию, – говорил он, показывая ей комнаты. – Особняк как будто остался внутри семьи». Эмма считала, что он слишком близко к ее дому, к воспоминаниям об Эбигейл Мэнтел и Джини Лонг, и сказала, что в Халле было бы удобнее жить с точки зрения его работы. Или в Беверли. Беверли – приятный город. Но он сказал, что Элвет ему тоже подходит.

«И тебе будет хорошо, поближе к родителям», – сказал он, и она улыбнулась и согласилась, как всегда. Ей нравилось делать ему приятно. На самом деле ей не так уж и нужна была компания Роберта и Мэри. Несмотря на помощь, которую они предлагали, с ними ей всегда было некомфортно. Она почему-то чувствовала себя в чем-то виноватой.

В шуме ветра она услышала еще один звук – звук мотора. Свет фар скользнул по площади, ненадолго осветив ворота церкви, где ветер поднимал в воздух мертвые листья. Джеймс припарковался на гравии, вышел и с силой захлопнул дверь. Одновременно Дэн Гринвуд вышел из Старой кузницы. Он был одет, как Эмма себе и представляла, в джинсы и синий фартук.

Она думала, что сейчас он сдвинет тяжелые двери и закроет их ключом, который хранит на цепочке, прикрепленной к ремню. Потом вставит тяжелый навесной замок в железные кольца, прикрученные к каждой двери, и протолкнет дужку. Она много раз наблюдала за этим ритуалом из окна. Но вместо этого он пересек площадь навстречу Джеймсу. На нем были тяжелые рабочие сапоги, громко стучавшие по мостовой, и Джеймс обернулся.

Увидев их вместе, она подумала, какие они разные. Дэн был темнокожим – как будто не из местных. Он мог бы сыграть злодея в готической мелодраме. Джеймс – бледный вежливый англичанин. Вдруг ее охватила тревога оттого, что они встретились, хотя причин тому не было. Дэн не мог догадываться о ее фантазиях. Она ничем себя не выдавала. Она осторожно приподняла окно, чтобы расслышать их разговор.

Занавески затрепетали. В комнату подул ветер с привкусом соли. Она почувствовала себя ребенком, подслушивающим разговор взрослых, может, родителей и учителя, которые обсуждают успеваемость. Никто из мужчин не обратил на нее внимания.

– Ты видел новости? – спросил Дэн.

Джеймс покачал головой.

– Я только что сошел с латвийского контейнера. Списался в Халле и сразу поехал домой.

– Значит, ты не слышал от Эммы?

– Она не любитель новостей.

– Джини Лонг покончила с собой. Ей опять отказали в досрочном. Случилось пару дней назад. Молчали все выходные.

Джеймс стоял, держа в руке брелок от ключей, собираясь запереть машину. На нем все еще была форма, и он выглядел по-щегоольски старомодно, словно принадлежал тому времени, когда был построен дом. Медные пуговицы на кителе тускло поблескивали в свете фар. Голова была непокрыта – он держал фуражку, зажав под мышкой. Эмме вспомнилось, как когда-то он был героем ее фантазий.

– Не думаю, что для Эм это что-нибудь изменит. Спустя все это время... Не то чтобы она так уж хорошо знала Джини. Когда все это произошло, она была очень юной.

– Дело Эбигейл Мэнтел хотят снова открыть, – сказал Дэн Гринвуд.

На секунду воцарилась тишина. Эмма задумалась, откуда Дэн мог знать обо всем этом. Они что, обсуждали ее у нее за спиной?

– Из-за самоубийства? – спросил Джеймс.

– Из-за того, что появился новый свидетель. Похоже, что Джини Лонг не могла убить ту девочку. – Он замолчал. Эмма видела, как он потер лоб широкими короткими пальцами, словно пытаясь стереть усталость. Интересно, почему его так сильно волновало убийство десятилетней давности. Она видела, что волновало, что он не мог заснуть, думая об этом. Но он даже не жил с ними в этой деревне. Он убрал руки от лица. Следов глины на коже не осталось – наверное, помыл руки, выходя из кузницы. – Жалко, что Джини никто не сказал, да? – сказал он. – Может, она была бы сейчас жива.

Внезапный порыв ветра словно оттолкнул их друг от друга. Дэн поспешил обратно к кузнице, чтобы закрыть двери. «Вольво» закрылся, мигнув боковыми фарами, и Джеймс стал

подниматься по лестнице к входу. Эмма отошла от окна и села на стул у двери. Она подняла ребенка к груди, поддерживая его рукой.

Когда Джеймс зашел, она все еще сидела там. Она включила маленькую лампу рядом с собой. Остальная комната тонула в темноте. Ребенок закончил есть, но она еще держала его у груди, и иногда он снова начинал сосать во сне. По его щеке струйкой стекало молоко. Она услышала, как Джеймс осторожно ходит вниз, и скрип ступенек подготовил ее к его появлению. Она уже ждала его с улыбкой на лице. Мать и дитя. Как на голландских картинах, которые он таскал ее смотреть. Он купил домой репродукцию, повесил в большой позолоченной раме. Она заметила, что ее подготовка не прошла даром – он улыбнулся в ответ, и вдруг стал выглядеть замечательно счастливым. Она удивлялась, почему вдруг ее стал больше привлекать Дэн Гринвуд, который мог выглядеть неопрятным и крутил маленькие тонкие самокрутки из табачной стружки.

Она осторожно подняла ребенка и положила его в колыбельку. Он сморщил рот, словно все еще искал грудь, глубоко вздохнул от разочарования, но не проснулся. Эмма застегнула бюстгальтер для кормления и накинула халат. Отопление было включено, но в этом доме всегда были сквозняки. Джеймс нагнулся, чтобы поцеловать ее, касаясь ее губ кончиком языка, так же настойчиво, как ребенок, просивший еды. Он хотел бы заняться сексом, но она знала, что настаивать не будет. Больше всего на свете он опасался конфликтов, а она в последнее время вела себя непредсказуемо. Все могло закончиться слезами, а он не стал бы так рисковать. Она осторожно его оттолкнула. Внизу он налил себе небольшой стакан виски, и все еще держал его в руке. Он сделал глоток и поставил стакан на столик около кровати.

– Сегодня все было в порядке? – спросила она, чтобы смягчить отказ. – Такой ветер. Я думала, как ты там, в темноте, среди этих волн.

Ни о чем таком она не думала. По крайней мере, сегодня. Когда она впервые его встретила, она фантазировала о нем, представляла себе, как он идет в открытом темном море. Теперь романтика куда-то пропала.

– Ветер был восточный, в сторону берега, – ответил он. – Помог нам зайти в порт. – Он улыбнулся ей довольной улыбкой, и она обрадовалась, что сказала правильные слова.

Он начал медленно раздеваться, расслабляя напряженные мышцы. Он был лоцманом. Встречал корабли в устье Хамбера и вел их безопасным путем в доки Халла, Гула или Иммингхэма или выводил их из реки. Он относился к работе серьезно, чувствовал свою ответственность. Он был одним из самых молодых высококвалифицированных лоцманов, работавших на Хамбере. Она очень им гордилась.

Так она себе говорила, но слова пустым эхом отдавались в голове. Она пыталась не поддаваться панике, нараставшей в ней с того момента, как она услышала разговор двух мужчин на площади, словно огромная волна, поднимающаяся из ниоткуда на море.

– Слышала, ты говорил на улице с Дэном Гринвудом. О чем таком важном можно говорить в такой час?

Он сел на кровать с обнаженным торсом. Он весь был покрыт тонкими светлыми волосками. Хотя он был на пятнадцать лет старше ее, это было совершенно незаметно – он был в очень хорошей форме.

– Джини Лонг покончила с собой на прошлой неделе. Ну, помнишь, Джини Лонг. Ее отец раньше был рулевым на катере. Женщина, которую осудили за удушение Эбигейл.

Ей захотелось на него закричать. *Конечно, я знаю. Я знаю об этом деле больше, чем ты когда-либо знала.* Но она просто посмотрела на него.

– Ей не повезло. Дэн говорит, только что появился новый свидетель. Дело снова открыли. Джини могли бы выпустить. Ужасное совпадение.

– Откуда Дэну Гринвуду все это известно?

Он не ответил. Она решила, что он, наверное, уже думал о другом, может, о коварном отливе или о перегруженном корабле, об угрюмом шкипере. Он расстегнул ремень и встал, чтобы снять брюки. Аккуратно сложил их и повесил на вешалку в гардеробе.

– Иди в постель, – сказал он. – Поспи немного, пока есть возможность. – Наверное, он уже выбросил Эбигейл Мэнтел и Джини Лонг из головы.

Глава вторая

Вот уже десять лет Эмма пыталась забыть день, когда обнаружила тело Эбигейл. А теперь она заставляла себя его вспомнить, чтобы рассказать о нем свою историю.

Был ноябрь, и Эмме было пятнадцать. Небо было затянуто грозowymi тучами цвета грязи и почерневших на ветру бобовых ростков. У Эммы был только один друг в Элвете. Ее звали Эбигейл Мэнтел. У нее были огненно-рыжие волосы. Ее мать умерла от рака груди, когда Эбигейл было шесть. Эмма, втайне мечтавшая о том, чтобы ее отец умер, была шокирована, почувствовав в себе некоторую зависть от того, сколько сочувствия вызывал этот факт. Эбигейл не жила в сыром доме, полным сквозняков, и ее не таскали в церковь каждое воскресенье. Отец Эбигейл был богат, как только возможно быть богатым.

Эмма подумала, так ли она рассказывала себе эту историю тогда, но не смогла вспомнить. Что же она помнила о той осени? Большое черное небо и ветер с песком, царапавший лицо, когда она ждала автобус в школу. Злость на отца за то, что он привез их сюда.

И Эбигейл Мэнтел, экстравагантная, как телезвезда, с огненными волосами и дорогой одеждой, ее позы и надутые губы. Эбигейл, сидевшая рядом с ней в классе, списывавшая у нее и с пренебрежением глядевшая на всех парней, которым она нравилась. Такие контрастные воспоминания: холодный монохромный пейзаж и пятнадцатилетняя девочка, такая яркая, что одного взгляда на нее было достаточно, чтобы согреться. Конечно, пока она была жива. Когда она умерла, то выглядела так же холодно, как и замерзшая грязь, в которой Эмма ее нашла.

Эмма заставила себя вспомнить момент, как она нашла тело Эбигейл. Хотя бы эту честь она должна была ей оказать. В комнате в доме голландского капитана сопел ребенок, ровно и медленно дышал Джеймс, а она вспоминала, как шла вдоль бобового поля, силясь сделать образы максимально реальными. Пожалуйста, здесь никаких фантазий.

Ветер был таким сильным, что дышать приходилось прерывисто, как ее потом учили дышать во время родов перед тем, как тужиться. Укрыться было негде. Вдали на линии горизонта поднимались смехотворно величественные церковные шпили, отличительная черта этой части графства, но небо казалось огромным, и она воображала себя единственным человеком под ним.

– Что ты там делала, совсем одна, в грозу? – мягко спрашивала ее потом женщина-полицейский, как будто и правда хотела знать, как будто вопрос не был частью расследования.

Но, лежа рядом с мужем, Эмма знала, что *это* воспоминание, воспоминание о ее матери и полицейском, сидевших на кухне у них дома и обсуждавших подробности ее находки, было всего лишь ширмой. Эбигейл заслуживала большего. Она заслуживала всю историю.

Итак... был вечер воскресенья, ноябрь. Десять лет назад. Эмма боролась с ветром, пробираясь к небольшому откосу, где находилась часовня, перестроенная под дом, где жила семья Мэнтелов. Она была раздосадована, злилась. Злилась настолько, что выбежала из дома в такой отвратительный вечер, хотя скоро уже должно было темнеть. Она шла и в мыслях бесновалась из-за родителей, из-за того, как несправедливо иметь невменяемого, тираничного отца, который стал таким, когда она выросла. Почему он не мог быть, как отцы других девочек? Как отец Эбигейл, например? Почему он говорил, как персонаж из библейских рассказов, так, что усомниться в его мнении было все равно, что усомниться в правоте самой Библии? Почему он заставлял ее чувствовать себя виноватой, хотя она не сделала ничего плохого?

Она наткнулась ногой на острый камень и споткнулась. По лицу текли слезы и сопли. На секунду она замерла, не вставая, стоя на коленях и ладонях. Она ободрала руки, упав на них, но здесь, ближе к земле, по крайней мере, легче дышалось. Потом она осознала, как нелепо,

должно быть, выглядела, хотя в такой вечер вокруг не было никого, кто мог бы ее увидеть. Падение привело ее в чувство. Наверное, лучше вернуться домой и извиниться за скандал. Лучше раньше, чем позже. Вдоль поля шла сточная канава. Она поднялась, и ветер снова ударил ей со всей силой в лицо. Она отвернулась от него. И в этот самый момент заглянула в канаву и увидела Эбигейл. Сначала она узнала ее куртку – синяя стеганая куртка. Эмма хотела такую же, но мать пришла в ужас, увидев, сколько она стоит. Эбигейл она не узнала. Наверное, это кто-то другой, наверное, Эбигейл одолжила куртку двоюродной сестре или подруге, кому-нибудь, кому она тоже понравилась. Кому-то, кого Эмма не знала. У этой девочки было уродливое лицо, а Эбигейл никогда не была уродиной. И никогда не была такой тихой – Эбигейл постоянно болтала. У этой девочки был распухший язык и синие губы. Она больше не смогла бы ни говорить, ни флиртовать, ни дразниться, ни усмехаться. Белки ее глаз были в красных пятнах.

Эмма не могла пошевелиться. Она осмотрелась по сторонам и увидела кусок черного полиэтилена, метавшийся на ветру, как огромный ворон, хлопавший крыльями над бобовым полем. А потом, как в сказке, появилась ее мать. Эмма вглядывалась далеко в горизонт, и ей казалось, что ее мать была единственным живым человеком во всей деревне, кроме нее самой. Она с трудом пробиралась по тропинке к дочери, запрятав седеющие волосы в капюшон старой куртки, а из-под ее лучшей воскресной юбки торчали резиновые сапоги. Последнее, что Роберт сказал, когда Эмма бросилась вон из кухни, было: «Оставь ее. Пусть будет ей уроком». Он не кричал. Он говорил спокойно, даже доброжелательно. Мэри всегда делала, как велел ей Роберт, и видеть ее фигуру на фоне серого неба, как будто растолстевшую, потому что она закуталась от холода, было почти так же поразительно, как видеть Эбигейл Мэнтел, лежавшую в канаве. Через пару секунд Эмма осознала, что это все-таки была Эбигейл. Ни у кого больше не было такого цвета волос. Она ждала, когда мать подойдет к ней, и слезы катились по ее щекам.

В нескольких ярдах от нее мать распахнула объятия и остановилась, дожидаясь, чтобы Эмма подбежала к ней. Эмма всхлипывала и задыхалась, не в состоянии говорить. Мэри обняла ее, убрала волосы с лица, как делала еще тогда, когда они жили в Йорке, а Эмма была маленькая и часто видела кошмары.

– Ничто не стоит таких переживаний, – сказала Мэри. – В чем бы ни было дело, мы с этим разберемся. Она имела в виду – *ты знаешь, твой отец делает только то, что считает правильным. Если мы все ему объясним, он скоро это примет.*

Тогда Эмма потащила ее к канаве и показала на тело Эбигейл. Она знала, что даже мама не сможет разобраться с этим и все уладить.

Мэри в ужасе замолчала. Как будто ей тоже нужно было время, чтобы осознать. Затем ее голос зазвучал снова, неожиданно резко, требовательно.

– Ты ее трогала?

Эмма была в шоке, ее трясло.

– Нет.

– Мы больше ничего не можем для нее сделать. Ты меня слышишь, Эмма? Мы пойдем домой и позвоним в полицию, и какое-то время все будет казаться кошмарным сном. Но твоей вины здесь нет. Ты ничего не могла сделать.

Эмма подумала: *Хотя бы Иисуса не стала упоминать. Хотя бы не ждет, что я найду в нем утешение.*

* * *

В Доме капитана ветер по-прежнему дребезжал разболтанными подъемными оконными рамами спальни. Эмма мысленно говорила с Эбигейл: *Видишь, я справилась, припомнила все, как было. Можно мне теперь поспать?* Но даже обняв Джеймса и впитав его тепло, она все

равно мерзла. Она попыталась оживить свою любимую фантазию о Дэне Гринвуде, представить себе его темную кожу поверх своей, но даже эти образы утратили свое волшебство.

Глава третья

Эмма не могла рассказать о последствиях обнаружения Эбигейл в одной из своих историй. Не было четкой сюжетной линии. В голове все слишком перемешалось. Не хватало деталей. Тогда было сложно следить за происходящим. Возможно, сконцентрироваться было сложно из-за шока. Даже сейчас, десять лет спустя, образ холодной, немой Эбигейл вспыхивал в ее памяти, когда она ожидала этого меньше всего. В тот вечер, когда она нашла тело и они все сидели на кухне в их доме, этот образ засел у нее в голове, затуманивая ей взгляд. Все вопросы тогда звучали будто издалека. А теперь воспоминания были зыбкими и ненадежными.

Она не помнила, как вернулась домой с матерью, но видела, как стоит у задней двери, сомневаясь, не решаясь посмотреть в глаза отцу. Даже если он и планировал прочесть им лекцию, то вскоре забыл об этом. Мэри отвела его в угол, положив руку на плечо, и шепотом все объяснила. На какое-то мгновение он застыл, как камень, словно ему было слишком трудно это принять. «Только не здесь, – сказал он. – Не в Элвете».

Он повернулся и обнял Эмму, и она почувствовала запах его мыла для бритья. «Никто не должен видеть такое, – сказал он. – Только не моя девочка. Мне так жаль». Словно он был в чем-то виноват, словно оказался недостаточно сильным, чтобы защитить ее. Потом они укутали ее в колкое одеяло для пикников и спешно позвонили в полицию. Несмотря на весь свой шок, она почувствовала, что, как только Роберт смирился с тем, что произошло, он начал получать удовольствие от драмы.

Но когда женщина-полицейский приехала поговорить с Эммой, он, видимо, понял, что его присутствие может только все усложнить, и оставил трех женщин наедине друг с другом на кухне. Должно быть, ему было нелегко это сделать. Роберт всегда считал, что в кризисные моменты без него не обойтись. Он привык справляться с экстренными случаями: клиенты резали запястья в комнате ожидания перед его кабинетом, или впадали в психоз, или сбегали, будучи выпущенными под залог. Эмма задумывалась, не потому ли он так любил свою работу.

Видимо, детектив пришла не одна, и Роберт говорил с кем-то еще в другой комнате, потому что иногда, когда разговор на кухне затихал и Эмма не могла ответить на вопрос полицейской, ей казалось, что она слышит приглушенные голоса. Трудно было сказать из-за шума ветра. Возможно, что отец разговаривал с Кристофером, и ей лишь казалось, что она слышит третий голос. Наверное, Кристофер в тот день тоже был дома.

Мэри заварила чай в большом глиняном чайнике, и они сели за кухонный стол. Мэри извинилась.

– В остальных комнатах очень холодно. Здесь хотя бы плита есть... – И в кои-то веки их плита работала, как надо, и отдавала немного тепла. Весь день с запотевших окон стекал пар, образуя озерца воды на подоконнике. Раньше Мэри ненавидела их плиту, но потом привыкла к ее причудам. Каждое утро она шла к ней, словно готовясь к битве, и бормотала под нос, словно молясь: *Пожалуйста, разогрейся. Не подведи меня. Пожалуйста, погрей подольше, чтобы я приготовила поесть.*

Но полицейской, похоже, все равно было холодно. Она не сняла пальто и обхватила руками чашку чая. Наверное, она представилась, когда пришла, но этот момент сразу же выпал из памяти Эммы. Ей запомнилось, что она думала о том, что, наверное, эта женщина из полиции, хотя на ней была обычная одежда – одежда, казавшаяся Эмме такой красивой, что она сразу обратила на нее внимание, как только та зашла. Под пальто была юбка по фигуре, почти в пол, и пара коричневых кожаных сапог. Весь период допросов Эмма пыталась вспомнить имя этой женщины, хотя та была их единственным контактом с полицией и приходила к ним каждый раз, когда в деле происходили подвижки, чтобы им не пришлось все узнавать из газет.

Как только она села за стол, полицейская – Кейт? Кэти? – задала тот самый вопрос: «Что ты там делала, совсем одна, в такую грозу?»

Сложно было объяснить. Все, что смогла выдать Эмма: *Ну, это же вечер, воскресенье.* Хотя в ее представлении этого объяснения было достаточно. По воскресеньям было тяжело, все они были вместе, пытаясь имитировать образцовую семью. После церкви заняться было нечем.

То воскресенье было хуже обычного. У Эммы были и хорошие воспоминания о семейных обедах в Спрингхеде, когда Роберт раскрывался, рассказывал глупые анекдоты, а они помирали со смеху. Когда мать с воодушевлением говорила о какой-нибудь книге, которую она сейчас читала. Тогда почти что казалось, что вернулись старые добрые времена, когда они еще жили в Йорке. Но все это было до того, как умерла Эбигейл. Тот воскресный обед был водоразделом, после него все изменилось. Или Эмме так потом казалось. Она очень ясно помнила тот обед: они вчетвером сидели за столом, Кристофер молчал, как всегда погруженный в мысли об одном из проектов, Мэри раскладывала еду с какой-то отчаянной энергичностью и постоянно болтала, Роберт был необычно молчалив. Эмма решила, что тишина – хороший знак, и обронила свою просьбу во время разговора, почти надеясь на то, что он этого не заметит.

– Можно я потом погуляю с Эбигейл?

– Я бы предпочел, чтобы ты осталась. – Он говорил совершенно спокойно, но она пришла в ярость.

– Почему?

– Неужели так сложно провести один вечер с семьей?

До чего же несправедливо! Каждое воскресенье она торчала в этом ужасном сыром доме, пока ее друзья где-то развлекались. И никогда не бунтовала.

Она помогла ему вымыть посуду, как обычно, но все это время ярость поднималась в ней, как река перед плотиной. Потом зашла мать, чтобы посмотреть, как у них дела, и она сказала:

– Я пойду встретиться с Эбигейл. Вернусь не поздно. – Она говорила с Мэри, не с ним. И выбежала из дома, не реагируя на отчаянные уговоры матери.

Теперь, когда она узнала, что Эбигейл мертва, все это казалось глупым и неважным. Приступ гнева двухлетнего ребенка. И сидя рядом с матерью и красивой женщиной, которая смотрела на нее в ожидании ответа, объяснить это чувство безысходности, нужду в побеге было еще тяжелее.

– Мне было скучно, – сказала она наконец. – Ну, знаете, воскресные вечера.

Полицейская кивнула, как будто поняла, о чем она.

– Эбигейл – единственная, кого я знала. Она живет далеко. Но можно срезать через поля.

– Ты знала, что Эбигейл будет дома? – спросила женщина.

– Я видела ее в молодежном клубе в пятницу вечером. Она сказала, что хочет приготовить отцу особый воскресный чай. Чтобы его поблагодарить.

– За что она хотела поблагодарить отца? – Хотя Эмме показалось, что полицейская уже знала ответ или, по крайней мере, догадывалась. Откуда? У нее было время, чтобы все выяснить? А может, у Эммы возникло это ощущение из-за того, что полицейская прямо-таки излучала всемогущество?

– За то, что попросил Джини Лонг съехать, чтобы снова жить в доме только вдвоем.

Женщина еще раз удовлетворенно кивнула, словно учительница, услышавшая от Эммы правильный ответ.

– Кто такая Джини Лонг? – спросила она, и снова Эмме показалось, что она уже знает ответ.

– Она была подружкой мистера Мэнтела. Жила вместе с ними.

Женщина сделала какие-то пометки, но ничего не сказала.

– Расскажи мне все, что ты знаешь об Эбигейл.

От подросткового бунтарства не осталось и следа – все испарилось от шока. Эмма была рада угодить и сразу же начала говорить. И когда она начала, остановиться было трудно.

– Эбигейл была моей лучшей подругой. Когда мы переехали сюда, было трудно, все по-другому, понимаете? Мы привыкли к жизни в городе. Эбигейл прожила здесь большую часть своей жизни, но тоже не особо вписывалась.

Они говорили об этом друг с дружкой во время ночевок – о том, как много у них было общего. Что они родственные души. Но даже тогда Эмма уже понимала, что это неправда. Просто они обе были изгоями. Эбигейл – из-за того, что у нее не было матери, а отец давал ей все, что попросит. Эмма – из-за того, что они переехали из города, и родители читали молитву перед едой.

– Эбигейл жила с отцом одна. По крайней мере, пока к ним не переехала Джини. Эбигейл ее терпеть не могла. Есть еще какая-то женщина, которая занимается уборкой и готовкой, но она живет в квартире над гаражом, и это ведь не считается, да? Отец Эбигейл – бизнесмен.

Эти слова вызывали у Эммы тот же восторг, как и когда она услышала их в первый раз. При них ей сразу представлялась большая красивая машина с кожаными сиденьями, которая иногда забирала их после школы, то, как Эбигейл наряжалась на ужин с отцом, потому что он должен был развлекать клиентов, шампанское, которое открывал Кит Мэнтел на ее пятнадцатый день рождения. Он сам, учтивый, обаятельный и внимательный. Но она не могла объяснить этого женщине из полиции. Для нее «бизнесмен» – это просто род деятельности. Как «инспектор по надзору» или «священник».

– Отец Эбигейл знает? – вдруг спросила Эмма, и ее затошнило.

– Да, – ответила женщина. Она выглядела очень серьезной, и Эмма подумала, не она ли ему рассказала.

– Они были так близки, – пробормотала Эмма, но почувствовала, что это не те слова. Она представила себе, как отец с дочерью смеются над комедией по телевизору, обнявшись на диване в их безупречном доме.

Наверное, в ту первую встречу она рассказала женщине из полиции что-то еще про Джини Лонг, о том, почему Эбигейл ее не любила, но сейчас, лежа в постели рядом с Джеймсом, она не могла припомнить подробности этой части их разговора. И еще она не помнила, чтобы видела Кристофера дома после обеда. Теперь Кристофер был ученым, аспирантом, изучал половое поведение тупиков и проводил часть года на Шетландских островах. Тогда он был ее младшим братом, замкнутым и раздражающе умным.

Всегда ли он был отстраненным и закрытым от всех них? Или стал таким после смерти Эбигейл? Может, он тогда тоже изменился, хотя и наблюдал драму со стороны, а она этого не запомнила. Что его изменило, сделало таким сосредоточенным и напряженным – переезд в Элвет или убийство Эбигейл? Теперь она уже не могла сказать. Интересно, что он помнит о том дне и захочет ли поговорить с ней об этом?

Конечно, в Йорке он был более открытым, более... – она остановилась в своих рассуждениях, не решаясь использовать это слово даже наедине с собой, – более... нормальным. Она помнила маленького бузотера, который бегал вокруг дома с друзьями, размахивая пластмассовым мечом, или сидел на заднем сиденье машины во время долгой поездки и хихикал над шуткой, услышанной в школе, и от смеха по щекам бежали слезы.

Теперь она была уверена в том, что он был дома в тот день, когда умерла Эбигейл. Не слонялся где-то в одиночестве. Потом, когда женщина-полицейский ушла, они вместе сидели в его спальне под крышей, с видом на поля. Ветер раздул тучи, и сквозь них виднелась полная луна. Они наблюдали за тем, что происходило на бобовом поле, за причудливыми тенями от фонарей, за мужчинами, которые сверху казались очень маленькими. Кристофер показал на двоих, пробиравшихся через грязь с носилками.

– Наверное, это она.

Один из мужчин, несших носилки, споткнулся и упал на одно колено, и носилки угрожающе накренились. Эмма с Кристофером переглянулись и как-то неловко и смущенно хихикнули.

Часы на церкви пробили два. Ребенок закричал во сне, как будто увидел кошмар. Эмма начала дремать и вспомнила, будто сквозь сон, что женщину из полиции звали Кэролайн. Кэролайн Флетчер.

Глава четвертая

В начале было Слово. Даже будучи подростком, Эмма в это не верила. Как может быть слово, если нет никого, кто бы его произнес? Слово не может появиться первым. Впрочем, ей никогда толком не объясняли эту фразу. Ни на службах, где она сидела с семьей по воскресеньям утром. Ни на унылых вечерних уроках перед конфирмацией.

По ее мнению, фраза означала: *Вначале была история.* Вся Библия состояла из историй. Что еще могло в ней быть? Единственным способом придать смысл ее собственной жизни было обернуть ее в историю.

С возрастом вымысел – вымысел ли? – становился все более продуманным.

Жила-была семья. Обычная семья по фамилии Уинтер. Мать, отец, сын и дочь. Жили они в симпатичном доме на окраинах Йорка, на улице с мостовой и деревьями. Весной деревья покрывались розовым цветом, а осенью листья становились золотыми. Роберт, отец, был архитектором. Мэри, мать, полдня работала в университетской библиотеке. Эмма и Кристофер ходили в школу в конце улицы. Они носили форму – ярко-красный пиджак с серым галстуком.

Повторяя сейчас эту историю у себя в голове, Эмма видела сад перед домом в Йорке. Стена из красного кирпича, вдоль которой росли в ряд подсолнухи. Цвета были настолько яркими, что было больно смотреть. Кристофер сидел на корточках перед терракотовым горшком с лавандой, поймав между ладонями бабочку. Она чувствовала запах лаванды, слышала журчание флейты из открытого окна – играла девочка, иногда приходившая посидеть с Кристофером.

Я больше никогда не буду так счастлива. Мысль пришла на ум против ее воли, но она не могла позволить ей стать частью повествования. Слишком больно. И она продолжила рассказ, как обычно...

Потом Роберт обрел Иисуса, и все изменилось. Он сказал, что больше не может быть архитектором. Оставил свой прежний офис с большими окнами и пошел в университет, чтобы стать инспектором по надзору.

– Почему не священником? – спрашивала Эмма. Теперь они начали регулярно ходить в церковь. Ей казалось, он был бы хорошим священником.

– Потому что я не чувствую в этом призвания, – отвечал Роберт.

Он не мог быть инспектором по надзору в Йорке. Вакансии не было, и в любом случае на содержание большого дома на тихой улице не хватало бы денег. Им пришлось переехать на восток, в Элвет, где земля была плоской и были нужны инспекторы по надзору. Мэри ушла из университета и нашла работу в крошечной общественной библиотеке. Даже если она и скучала по студентам, она об этом не говорила. Она ходила в деревенскую церковь с Робертом каждое воскресенье и пела псалмы так же громко, как и он. Эмма не могла сказать, что она думала об их новой жизни в холодном доме, о бобовых полях и грязи.

Но конечно, это было не все. Даже в пятнадцать лет Эмма понимала, что так быть не могло. Роберт не мог просто взять и обрести Иисуса под вспышки молний и звуки цимбал. Что-то его к этому привело. Что-то заставило его измениться. В книгах, которые она читала, у всякого действия была причина. Если что-то происходило на ровном месте, внезапно, без объяснений, это вызывало чувство неудовлетворенности. В жизни Роберта была какая-то травма, какая-то неутоленная тоска. Он никогда о ней не говорил, и Эмма была вольна придумать свое объяснение, свой вымысел.

Было воскресенье, а по воскресеньям вся семья ходила вместе на причастие в церковь на другой стороне площади. После рождения Мэттью Эмме позволили несколько недель отдохнуть, но через месяц к ней зашел Роберт. Было утро, рабочий день, и она удивилась его появлению.

– Разве ты не должен быть на работе? – спросила она.

– Я еду в «Спинни Фен». Есть время выпить кофе и посмотреть на внука.

«Спинни Фен» – женская тюрьма с высокими бетонными стенами, стоящая на скале, рядом с конечной станцией газопровода. У него там были клиенты – правонарушители, за которыми он наблюдал на свободе, и те, которых должны были отпустить на поруки. Эмма терпеть не могла проезжать мимо «Спинни Фен». Зачастую она казалась окутанной туманом, и бетонные стены бесконечно возвышались, теряясь в облаках. Когда они только переехали в Элвет, ей снились кошмары о том, как его пропускают внутрь через узкие металлические ворота и не выпускают обратно.

Она сделала ему кофе и дала подержать Мэттью, но все это время думала о том, зачем он пришел на самом деле. Уходя, он остановился на крыльце.

– Мы увидим тебя в церкви в воскресенье? Не волнуйся насчет ребенка. Ты всегда сможешь вынести его, если заплачет.

И конечно, в следующее воскресенье она была там, потому что после смерти Эбигейл Мэнтел у нее не было сил противостоять ему. Противостоять кому-либо. Он все еще заставлял ее чувствовать себя виноватой. Какая-то ее часть ощущала, что, если бы она повиновалась ему в то воскресенье, десять лет назад, все могло бы быть иначе. Если бы она не была там и не обнаружила тело, Эбигейл могла бы быть жива.

Роберт и Мэри всегда приезжали к церкви Святой Марии Магдалины раньше, чем Эмма и Джеймс. Роберт был церковным старостой. По особым случаям он одевался в белое платье и разносил вино из большой серебряной чаши. Эмма не знала, чем он занимался еще полчаса до начала службы. Он исчезал в ризнице. Может, были какие-то дела, может, молился. Мэри всегда шла в маленькую кухню в холле, чтобы включить электрический кофейник и выставить чашки – после службы пили кофе. Потом она возвращалась в церковь и стояла у двери, раздавая книги с псалмами и брошюры с описанием службы. Если бы Эмма еще жила дома, она должна была бы ей помогать.

Когда Эмма только познакомилась с Джеймсом, он не был религиозен. Она заговорила с ним на эту тему на первом свидании, просто чтобы проверить. Даже сейчас ей казалось, что он не верил в Бога по-настоящему и вообще не верил ни во что из того, что произносил, зачитывая Символ веры. Он был самым рациональным человеком из всех, кого она знала. Он смеялся над предрассудками иностранных моряков, с которыми встречался на работе. Ему нравилось ходить в церковь по тем же причинам, почему нравилось жить в Доме капитана: это символизировало традицию, надежность и респектабельность. У него не было семьи, и семейные встречи тоже его привлекали. Зачастую Эмме казалось, что он с Робертом и Мэри ближе, чем она, и уж конечно ему было с ними комфортнее.

Они пришли в церковь с опозданием. История о самоубийстве Джини была на первой странице газеты, которую всегда доставляли по воскресеньям. Ее фото тарашилось на Эмму с коврика перед дверью, сбивая с мысли. Потом в последний момент Мэттью стошнило на одежду, как раз когда они уже собирались выходить. В итоге им пришлось спешить через всю площадь, как нерадивым детям, опаздывающим в школу. Подул порывистый ветер, и Эмма укрыла ребенка пальто, чтобы защитить его от дождя. Она подумала, что так она снова выглядела беременной. Журналисты, курящие перед церковью, побежали к машинам.

Уже пели первый псалом, и они проследовали за викарием и тремя пожилыми дамами, которые пели хором в проходе, в хвосте уже начавшейся процессии. Мэри подвинулась, чтобы пропустить их на их обычные места рядом с входом. Эмма споткнулась о лежавшую на полу большую лоскутную сумку, которую мать всегда носила с собой.

Только после того, как она преклонила колени, чтобы перевести дыхание, что сошло за молитву, и снова встала, чтобы спеть последнюю строфу, она заметила, что в церкви больше людей, чем обычно. Все скамьи бывали заняты только во время крещения, когда, как язви-

тельно говорил отец, приходили «язычники». Но сегодня крещения не было, и, кроме того, большинство лиц были знакомыми. Казалось, что собралась вся деревня. Плохие новости всегда вызывали в Элвете волнение. Если самоубийство Джини Лонг могло считаться плохими новостями.

Органистка-артритик уже завершала мелодию дрожащим аккордом, когда дверь открылась вновь. Она захлопнулась с грохотом – видимо, из-за ветра, – и молящиеся с неодобрением обернулись. У входа стоял Дэн Гринвуд, а рядом с ним крупная, невероятно уродливая женщина. Хотя Эмма, как обычно, почувствовала волнение от его присутствия, она была разочарована, увидев здесь Дэна. Она никогда не встречала его в церкви и думала, что он ее презирает. Впрочем, он не потрудился переодеться и все еще был в джинсах и фартуке, как вчера ночью. Женщина была одета в бесформенное кримпленовое платье в мелкий лиловый цветочек и в пушистый лиловый кардиган. Несмотря на холод, на ней были надеты плоские летние сандалии. Было что-то зловещее в том, как они стояли у дверей, и на мгновение Эмма подумала, что они пришли с каким-то сообщением, с требованием покинуть церковь, потому что рядом разгорелся пожар или сообщили о бомбе. Даже викарий на какое-то время остановился и посмотрел на них.

Но женщина казалась совершенно спокойной, похоже, ей даже нравилось внимание. Она взяла Дэна под руку и потащила его к скамье. Фамильярность этого жеста задела Эмму. В каких они были отношениях? Она была слишком молода, чтобы быть его матерью, ненамного старше его. Но ее уродство не позволяло ей подумать, что между ними романтическая связь. У Эммы было много комплексов, но она всегда была уверена в своей привлекательности. Она нисколько не сомневалась в том, что Джеймс никогда бы не позвал ее замуж, если бы она была толстой или прыщавой. Всю оставшуюся службу Эмма слышала голос женщины среди остальных во время псалмов и респонсоров. Она пела ясно, громко и мимо нот.

На службе не было никаких упоминаний о Джини Лонг, и Эмма подумала, может, викарий не слышал о ее самоубийстве. Но ее имя упомянули наряду с именами Элзи Хепворт и Альберта Смита в молитве об усопших. Она сидела с Мэттью на коленях, смотрела на склоненные головы молящихся, преклонивших колени, и пыталась восстановить в памяти образ Джини. Она встречалась с ней только однажды, в доме Мэнтела. Джини играла на фортепьяно, которое Кит купил для Эбигейл, когда она вдруг ненадолго загорелась музыкой. Высокая темноволосая молодая женщина, довольно серьезная и сосредоточенная, склонялась над клавишами. Потом в комнату вошел Кит, она обернулась, и ее лицо расслабилось в улыбке. Трудно было себе представить, что Джини тогда была моложе, чем Эмма сейчас, – едва ли старше студентки.

Служба приближалась к причастию. Роберт стоял в своем белом одеянии у алтаря, рядом с викарием. Мэри первой приняла хлеб и вино, а затем поспешила на кухню, чтобы засыпать растворимый кофе в термокувшины. Органистка с трудом вернулась на место и начала играть что-то нежное и меланхоличное. В проходе выстроилась очередь. Эмма вручила Мэттью Джеймсу, который никогда не причащался, несмотря ни на какие уговоры Роберта, и встала, чтобы занять свое место. Перед ней был высокий сутулый мужчина в блестящем сером костюме, который был ему велик. Он не был постоянным прихожанином, хотя ей показалось, что она видела его в деревне. Он сидел один, никто к нему не подходил, что было довольно необычно. Женщины в приходе гордились своей гостеприимностью по отношению к новым прихожанам.

Очередь медленно продвигалась вперед. Мужчина неловко встал на колени, она встала за ним, почувствовав сильный запах нафталиновых шариков от моли. Костюм давно не носили. Он протянул руки, сложенные в пригоршню, чтобы получить облатку. Руки были грубыми и темными, словно вырезанными из дерева, сильными, хотя ему было меньше шестидесяти. Викарий встретился с ним взглядом и едва улыбнулся ему, показывая, что узнал. Затем при-

близился Роберт с чашей, вытирая край белой тканью. Мужчина автоматически вытянул руку, чтобы покрепче взяться за чашу, прежде чем поднести ее ко рту. Затем он посмотрел в лицо Роберту и, узнав его, оторопел. Когда Роберт двинулся к ней, мужчина выплюнул все вино на него. Белое платье окрасилось в красное от густого сладкого вина. Словно кровь, сочащаяся из раны, подумала Эмма. Викарий не видел, что произошло, а Роберт сделал вид, что не заметил. Мужчина встал и, вместо того чтобы вернуться на свою скамью, прошел к выходу и покинул церковь.

Все произошло очень быстро, и из-за спин прихожан те, кто был в нефе, не могли видеть этот инцидент. Но когда мужчина проходил мимо спутницы Дэна Гринвуда, она встала и вышла за ним.

Глава пятая

Каждую неделю после церкви они возвращались в дом Роберта и Мэри на обед. Это была неотъемлемая часть ритуала, как чтение из апостольских посланий и молитвы дня. Эмма считала, что это несправедливо по отношению к матери: после службы она целый час разливала кофе и мыла посуду, а потом должна была немедленно приниматься за домашние дела. Мэри говорила, что ей это нравится, но та Мэри, которую она помнила по Йорку, совсем не была домовитой. Тогда у них была уборщица, и они часто ели в городе. У Эммы было много воспоминаний о семейном итальянском ресторане, долгих воскресных вечерах с пастой и мороженым и о чуть захмелевших родителях, которые вели их домой, когда начинало темнеть.

Джеймс всегда приносил с собой на обед пару бутылок неплохого вина. Эмма думала, что алкоголь ему нужен, чтобы защититься от холода и притупить скуку. Но когда она предложила найти повод вовсе не ездить туда, он и слышать не захотел.

– Мне нравятся твои родители. Твой отец – умный и интересный человек, а мать очаровательна. Тебе повезло, что они такие участливые.

Услышав в этих словах скрытый укор, она больше не возвращалась к этой теме.

Спрингхед-Хаус был квадратным серым домом на окраине деревни. Когда-то это был дом фермера, но землю продали. В этом доме их семья поселилась, когда они переехали из Йорка. Роберт торжествовал, когда нашел его. Все их сбережения были потрачены, когда он проходил обучение на социального работника, и он не мог поверить, что сможет найти что-то настолько просторное по своему бюджету. Он проигнорировал отчет земельного инспектора, в котором подчеркивалось, что в доме испарина и стропила на крыше изъедены древесным жучком. Он был уверен в том, что этот дом предназначен для них. Эмма думала, что так, наверное, было и лучше. Она не могла представить себе его на новом месте в таунхаусе, который пришлось бы делить с кем-то еще. Она говорила себе, что его это не выдержало бы пребывания в стесненном пространстве, хотя и понимала, что это было несправедливо. Она отчаянно нуждалась в его одобрении.

Из старой комнаты Кристофера на чердаке все еще было видно поле, где лежало тело Эбигейл. Вид не изменился. Земля здесь была совершенно ровная, и строить ближе к побережью было запрещено. В недавнем отчете Агентства по охране окружающей среды говорилось не только о предстоящих затоплениях, но и о том, что весь полуостров может вскоре смыть водой.

Когда они подъезжали к Спрингхеду, шел сильный дождь, и было так темно, что пришлось включить дальний свет. Сточные канавы наполнились до краев, и вода вытекла на середину дороги. Они ехали на «Вольво» Джеймса. Роберт и Мэри ехали впереди.

– Что это за жуткая женщина была с Дэном? – спросил Джеймс. Ему нравилось все красивое. Эмма полагала, что именно из-за этого он сейчас мирился с ее перепадами настроения.

– Понятия не имею. Никогда ее не видела.

– Я подумал, может, они знакомы по работе. Ее можно представить себе в какой-нибудь мастерской. «Хэрроугейт» или «Уитби», например.

– О да! – Иногда она удивлялась его пронизательности. Больше всего он ей нравился, когда удивлял ее. – Но точно «Уитби». Для «Хэрроугейт» слишком безвкусная. – Она замолчала. – Думаешь, поэтому Дэн пришел в церковь? Чтобы ей угодить? Надеясь на скидку? Как-то странно. И не похоже на него. Он всегда кажется таким прямолинейным. Не могу себе представить, чтобы он занимался какими-то манипуляциями в своих целях.

– Нет. – Джеймс сбавил скорость, и они еле тащились. Канаву прорвало, и вдоль дороги бежал грязный поток воды. – Мне кажется, он знал Джини Лонг. Он показался вчера очень

расстроенным, когда говорил о ее самоубийстве. Иногда церковь приносит утешение, даже если не особенно веришь.

– Наверное, он мог знать Джини. – Эмма сомневалась, но не хотела портить разговор. Давно они не общались вот так, легко. – Он не так давно переехал в Элвет, но и ее здесь не было, она училась в университете. Она только-только выпустилась, когда переехала к Киту Мэнтелу. Может, Дэн встречал ее, когда она еще была студенткой, но не представляю себе, в каком качестве.

Джеймс не ответил.

– Дэн думал, что ее самоубийство тебя огорчит.

– Я ее не знала. В церкви я пыталась вспомнить. Я видела ее всего один раз. – Она помолчала. – Представляешь, уже почти ровно десять лет прошло, как умерла Эбигейл! Это самоубийство кажется каким-то жутким совпадением. Или, думаешь, она все понимала и спланировала? Эффектный жест в честь юбилея?

– Может быть, – сказал Джеймс после некоторой паузы. – Я всегда считал, что самоубийство – очень эгоистичное действие. Страдают те, кто остается после.

Разговор шел непринужденно, и ей захотелось рассказать о высоком человеке, который выплюнул вино на Роберта. Но происшествие все еще казалось настолько шокирующим, что она не смогла заставить себя поговорить о нем. Джеймс свернул на прямую ухабистую дорогу, которая вела меж двух огромных полей к дому, а она сидела рядом и молчала.

Роберт стоял на кухне перед плитой. От его брюк шел пар. Эмма искала какие-либо признаки того, что случай на причастии шокировал его так же, как ее, но он слегка улыбнулся и сказал:

– Мы отвезли мисс Сандерсон домой. Я только помог ей выйти из машины и весь промок.

– Сходи переоденься, дорогой. А то простынешь. – Мэри переживала из-за овощей, а он стоял у нее на пути. Несмотря на его авторитарность в церкви и на работе, иногда она обращалась с ним, как с ребенком.

Роберт, казалось, ее не услышал и только подвинулся в сторону, чтобы налить каждому бокал шерри. Эмма посадила ребенка в его креслице на полу и подоткнула одеяло. Мэри подняла облупленную чугунную крышку плиты, чтобы открыть конфорку. Комната вдруг показалась теплее. Она нагнулась, чтобы вытащить горшочек из духовки, и опустила его на плиту. Горшок начал бурлить. Ее лицо покраснело от жара и напряжения. Тонкие седые волосы были завязаны в хвостик, и Эмма подумала, что ей нужно подстричься, может, даже покраситься. Хвостик на женщине ее возраста выглядит смешно. Мэри обернула полотенце вокруг крышки горшочка и сняла ее, чтобы помешать. Запахло ягненком, чесноком и помидорами, и Эмма вдруг подумала, что именно это блюдо они ели в тот день, когда задушили Эбигейл. Она быстро взглянула на мать, ожидая, что та тоже вспомнит, но Мэри лишь улыбнулась с облегчением, что тепло в плите продержалось достаточно долго, чтобы обед приготовился, и Эмма почувствовала себя глупо. Может, это лишь проделки ее памяти? Ее фантазии всегда казались такими реальными.

В это время года они ели на кухне. В столовой не было камина, и несмотря на то, что там были обогреватели, они грели плохо, и то только с утра, а к вечеру становились совсем холодными. Эмма накрывала стол, погружаясь в знакомую рутину, ее руки механически передвигали приборы и бокалы. Сложно поверить, что, как и Джини Лонг, она провела несколько лет в университете. Если бы она не встретила Джеймса и не вышла за него замуж, она бы никогда не вернулась. Может быть, именно в этом была причина ее неудовлетворенности им?

Роберт наконец сходил наверх переодеться и вернулся в джинсах и толстом темно-синем свитере. Джеймс открыл одну из бутылок красного вина. Они сели на свои места и ждали, что Роберт прочтает молитву. Он всегда произносил молитву, даже когда за столом был только он и Мэри. Но сегодня он, похоже, забыл, что от него этого ждут, взял ложку и начал накладывать

себе еду. Эмма посмотрела на мать, но та только покачала головой, снова посмеиваясь над ним, и передала по кругу миску с картошкой.

Мэри никогда не мыла посуду после воскресного обеда. Роберт поджигал заранее подготовленный камин в гостиной, и она сидела там, пила кофе, читала воскресные газеты, пока они не присоединялись к ней. К тому времени в комнате уже было почти тепло. Она всегда была благодарна за это время, которое могла посвятить себе, и никогда не забывала сказать им спасибо.

Роберт и Эмма были на кухне одни. Джеймс унес ребенка наверх, чтобы перепеленать.

– Что это за мужчина, который плюнул на тебя?

Он ответил, не отворачиваясь от раковины:

– Майкл Лонг, отец Джини.

Он изменился, подумала она. Майкл Лонг, которого она помнила, был сильным, громким, широкоплечим.

– Почему он это сделал?

– В такие моменты людям часто бывает нужно свалить на кого-нибудь вину.

– Но почему ты?

– Я должен был представить отчет в комиссию по условно-досрочному освобождению. Я не смог рекомендовать ее к досрочному освобождению.

– Джини Лонг была твоей клиенткой?

Теперь он обернулся. Не спеша вытер руки потертым полотенцем, висевшим на плите, и сел рядом с ней за стол.

– Только в последний год.

– А никто не подумал, что это неправильно? Что тут может быть, не знаю, какой-то конфликт интересов?

– Конечно, мы обсуждали, подхожу ли я для этого, но проблема была не в конфликте интересов. Ты никогда не была свидетелем обвинения. Проблема была в том, смогу ли я выстроить отношения с Джини, смогу ли обращаться с ней свободно и справедливо, и мы решили, что смогу. Вопрос ее вины или невиновности не стоял. Тогда по крайней мере. Он решался на первом разбирательстве и потом на апелляции. До суда я Джини не знал. Я и Эбигейл не знал, даже несмотря на то что вы дружили.

Теперь, задумавшись над этим, она решила, что он прав. Эбигейл умерла всего через шесть месяцев после того, как семья Уинтеров переехала в Элвет. В то время Спрингхед был еще более негостеприимным, чем сейчас. Пожилая пара, жившая здесь до них, пользовалась всего двумя комнатами, остальные были забиты каким-то хламом. Было две аварии с водопроводом, постыдные запахи, перебои с электричеством. Сюда не хотелось приводить нового друга. Все ночевки, вечера со смехом, фильмами, шоколадными тортами и втайне распитыми бутылками вина происходили в доме Мэнтелов. Мэри видела Эбигейл пару раз, на школьных мероприятиях и мельком у порога, когда подвозила Эмму к Старой часовне. Роберт хотел произвести хорошее впечатление на своей первой работе инспектора по надзору, подолгу задерживался на работе и редко бывал дома.

– Это правда, что дело снова откроют?

– Думаю, да. Если Джини была невиновна, то Эбигейл Мэнтел убил кто-то другой.

Какое-то время они сидели и смотрели друг на друга. Эмма подумала, что это день необычных разговоров. Ее отец никогда не говорил с ней так легко и так откровенно. На улице уже совсем стемнело. Ветер задувал через щели в окне и колыхал тяжелую занавеску. Со второго этажа доносился смех ребенка.

– А ты считал, что она невиновна?

– Не мне было судить. Я инспектор при суде. Я должен принимать решения суда. Она всегда говорила, что невиновна, но так говорят многие преступники, с которыми я работаю.

– Какой она была?

Он снова помолчал, и эта нерешительность делала его совершенно непохожим на себя. Он всегда был человеком, уверенным в своих суждениях.

– Она была тихой, умной... – Он снова запнулся, чуть ли не начал заикаться. – Но больше всего в ней было злости. Она была самым обозленным человеком из всех, что я встречал. Она чувствовала себя преданной.

– Кто же, по ее мнению, ее предал?

– Думаю, родители. Отец, по крайней мере. Но больше всего – Кит Мэнтел. Она не могла понять, почему он не навещал ее. Она думала, что он любил ее даже после того, как попросил выехать из дома.

– Но она убила его дочь! Чего она ожидала?

– Он точно считал, что убила она. И, по словам Джини, это было худшим предательством из всех. Что он думал, что она способна на убийство.

– Почему ты не рекомендовал ее к досрочному освобождению?

Эмма думала, что он откажется рассказать. Он никогда не рассказывал о подробностях своей работы. «Конфиденциально», – говорил он. Он, словно священник, должен был хранить секреты. Но сегодня, казалось, ему хотелось поговорить. Будто ему нужно было оправдаться перед ней за свое решение.

– Отчасти из-за ее злости. Я не был уверен, что она сможет ее контролировать. На суде обвинение заявляло, что она задушила Эбигейл в момент ярости и ревности. Я не мог рисковать, ведь она могла снова потерять контроль, сорваться на ком-то, кто ее обидел. Если бы она продемонстрировала готовность к сотрудничеству с руководством тюрьмы, может, было бы иначе. Я просил ее ходить на занятия по управлению гневом, которые мы проводим в «Спинни Фен», но она отказалась. Сказала, что если пойдет, то будет выглядеть так, как будто признала свою вину, признала, что ее поведение нужно менять.

В дверях появился Джеймс с Мэттью на руках. Она встретила с ним взглядом.

– Можешь дать нам пару минут? – спросила она. Он удивился – обычно она была рада избавиться от общества семьи, – но ушел.

Роберт, все еще погруженный в свои мысли, казалось, не заметил, что их прервали. Он продолжал:

– Потом был отчет о домашней обстановке. Я ходил поговорить с Майклом Лонгом. Мать Джини навещала ее в тюрьме, но Майкл – никогда. После смерти миссис Лонг к Джини никто не приходил. Я хотел узнать, удастся ли примирить их. Если бы Майкл разрешил ей остаться у него после досрочного освобождения, хотя бы на короткое время, это могло бы повлиять на решение совета.

– Но он не разрешил?

– Он сказал, что не хочет видеть ее в своем доме. – Роберт оторвал взгляд от стола. – Так что ты понимаешь, почему он чувствовал себя таким виноватым, почему ему нужно было обвинить меня. Он поверил в то, что его собственная дочь – убийца.

Глава шестая

Майкл выскользнул из церкви и остановился, чтобы перевести дыхание. Его трясло. Дождь заливал открытую паперть. Жалил лицо и бил по серой ткани костюма, и капли расплзались по нему, как вино расплзалось по волокнам белого стихаря Роберта Уинтера. Майкл с трудом влез в водонепроницаемый плащ, который все это время держал, перекинув через руку, и, хотя было не похоже, что гроза утихает, пошел к дороге. Служба скоро закончится. Старые кошелки пойдут пить кофе и будут пялиться на него. Он не мог этого вынести.

Во рту и на губах все еще оставался сладкий вкус церковного вина, и ему внезапно ужасно захотелось выпить чего-нибудь нормального, чтобы его смыть. Он постоял перед «Якорем». Он не заходил туда много лет, но сейчас соблазн был велик. Но потом он подумал, что там будет полно людей, собравшихся на воскресный обед, а он не хотел видеть никого из знакомых. Едва ли получится быть вежливым. Ярость, захлестнувшая его при виде Уинтера, подошедшего к нему с чашей, все еще звенела в нем. Он не гордился сценой, которую устроил в церкви, но если бы он в него не плюнул, то ударил бы. И ему все еще хотелось кого-нибудь ударить.

Идея прийти на службу с самого начала была дурацкой. Теперь он это понимал. Чего бы он ни ожидал от этого ритуала, он был бы разочарован. Пег ходила в церковь, не он. Он всегда считал это глупостью. Взрослые мужчины наряжаются в платья. Да и чего он вообще ждал? Что из-под крыши спустится голос Джини и произнесет: «Все в порядке, пап. Я тебя прощаю»?

Он жил в одном из одноэтажных домиков прямо за церковью с того самого времени, как переехал из Пойнта после смерти Пег. Репортеры, торчавшие там, когда он вышел, все еще стояли на углу, выкрикивая свои дурацкие вопросы и размахивая микрофонами. Он не обратил на них внимания и открыл дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь. Не хотел, чтобы они заглядывали в дом. Как и всегда, заходя сюда, он подумал, как здесь тесно. Как темно. В том числе из-за этого ему не нравилось часто выходить на улицу – каждый раз, возвращаясь, он ощущал, как будто запирает себя в тюремной камере.

Он не думал, что Джини будет так плохо в тюрьме. Конечно, никому бы там не понравилось, но ему казалось, что она не станет паниковать, находясь под замком. Ей никогда не нравилось бывать на улице. Она приходила в ужас на море, даже когда был полный штиль, а на ней был надет жилет. Она предпочитала оставаться дома со своей музыкой, а этого в тюрьме у нее было. Они принесли ей кассетный проигрыватель и кучу записей. Музыка – вот все, что ей было нужно. Так считали они с Пег, когда дочь была подростком. Она закрылась от них, отгородилась. Они вырастили ее, и им казалось, что это несправедливо. Она словно выкинула их из жизни, когда перестала в них нуждаться. А потом она повесилась, и он задумался, был ли он прав насчет того, что в тюрьме ей будет не так уж плохо. Не ошибался ли он в этом и во всем остальном?

Он старался не думать о том, что он, возможно, был не прав. Если Джини ненавидела тюрьму так же, как он ненавидел это место, то жизнь там была для нее кошмаром. Он не мог смириться с этим, что бы она ни совершила, и искал, кого бы еще во всем обвинить, – хотя сам понимал, что это глупо. И остановился на Уинтере, этом благодетеле, игравшем в священника. Вот кто был легкой мишенью.

В буфете на кухне стояла литровая бутылка дешевого виски, которую доставили из супермаркета с остальными продуктами. Он наполнил стакан наполовину, выпил жадными глотками и облизнул губы. Ему все еще казалось, что он чувствует вкус церковного вина, и он налил себе еще один стакан и взял его с собой.

Он прошел в спальню и начал переодеваться. Сначала снял брюки и повесил их на спинку стула. Из карманов выпала мелочь, но он не стал поднимать. Он вспомнил спальню в Пойнте, окно у воды – так близко, что блики танцевали на потолке. Словно ты был на море, оставаясь на

суше. И постоянный прибрежный шум – крики чаек и куликов, шорох гальки, звук бьющихся волн. Все это казалось ему чем-то само собой разумеющимся, пока он не переехал сюда. Здесь стояла удушающе плотная, страшная тишина. Комнаты были настолько маленькими, что, разведя руки, можно было коснуться стен с обеих сторон. Зря он оставил работу рулевым на лоцманском катере.

Вот что Майкл говорил себе, стоя в нижнем белье, пытаясь выровнять складку на брюках. Но, по правде говоря, выбора у него особо и не было. Если бы он не уволился тогда, его бы все равно выгнали, сославшись на выпивку. Как будто все лоцманы не любят выпить. Но так он хотя бы отчасти сохранил достоинство. Пег бы это оценила. Но он скучал по работе так же сильно, как скучал по Пег. Скучал по перепалкам с лоцманами и девушками в диспетчерской. По чувству удовлетворения, которое испытываешь, когда заводишь катер с подветренной стороны большого корабля, удерживаешь его рядом, пока лоцман спускается по трапу и спрыгивает на борт. Он никогда прежде не уходил без боя, и это до сих пор его терзало. От ухода он чувствовал себя таким же униженным, как и в тот день, когда Уинтер появился на пороге его домика, чтобы поговорить о Джини.

Прошло уже много времени, но Майкл по-прежнему отчетливо помнил эту встречу. Он много раз возвращался к ней в своих мыслях. Она была как сказки о чудовищах и великанах, к которым в мыслях возвращаются дети: они страшные, но хорошо знакомые, и в этом можно найти утешение. Мысли об этой встрече не давали ему думать о худшем. О Джини, висящей в камере на куске простыни. О том, что он заблуждался насчет своей единственной дочери.

Итак, Уинтер появился у него на пороге. Дело было в январе или феврале, почти год назад. Майкл открыл дверь только потому, что думал, что это парень из супермаркета принес его продукты. Обычно он не отвечал на звонки. Не было у него времени на всяких торговцев и попрошайек.

Но в дверях стоял этот человек. Уинтер. Майкл не узнал его. На нем было коричневое шерстяное пальто, типа таких, какие во время войны носили офицеры флота, только на Уинтере был надет капюшон – надвинут прямо на лоб, – из-за чего он скорее напомнил Майклу монаха.

– Мистер Лонг, – сказал он. – Можно мне зайти на минуту?

Майкл хотел было захлопнуть дверь у него перед носом, пробормотать что-нибудь о том, что ему неудобно, но мужчина подошел очень близко к Майклу, так что он почти почувствовал его дыхание, и сказал тихим голосом проповедника:

– Речь о Джини.

Этого он никак не ожидал и от удивления отступил назад. Уинтер воспринял это как приглашение войти.

– Может, сделать нам обоим чаю? – сказал он. Майкл был так смущен столь близким контактом при встрече, что ничего не смог ответить. Уинтер снова принял его молчание за согласие. Он вошел на кухню, как у себя дома, наполнил чайник доверху, даже не подумав о том, что так потратится больше электричества.

Они сели в маленькой гостиной. Она была заставлена остатками мебели, которую Майкл привез из дома в Пойнте, и они почти что уперлись коленями, сидя в больших креслах.

– Что вам до Джини? – резко спросил Майкл. Он помнил это как сейчас. Он наклонился к Уинтеру, надеясь вызвать в нем такую же панику, какую почувствовал только что сам. – Что вам до Джини?

– Я ее инспектор по условно-досрочному освобождению, – сказал Уинтер. – Мне нужно подготовить отчет.

– Она получила не условное. Она получила пожизненное. И отчетов написали достаточно.

Слишком много отчетов. Все допытывались. Все пытались найти кого-нибудь еще и обвинить в том, что сделала Джини. Им с Пег, конечно, никаких копий не давали. Из этого процесса они тоже были исключены. Но он догадывался, что их имена там фигурировали. Виноваты же всегда родители. В отчетах наверняка писали, что они никогда не понимали Джини, не давали ей то, что ей было нужно. Он догадывался обо всем этом по тому, что говорилось на суде.

– Это другое, – сказал Уинтер. Его голос был как у заносчивого учителя, когда он говорит с бестолковыми детьми. Терпеливый, но как будто это терпение стоило ему огромных усилий. Как будто он был настоящим ангелом, раз ему это удается. – У Джини скоро появится право на досрочное освобождение. Если ей позволят снова жить в обществе, я должен буду осуществлять за ней надзор.

– Они же не думают выпустить ее?

– А по-вашему, не следует этого делать?

– Просто кажется, что она пробыла за решеткой совсем недолго. А после того, что она сделала с той девчонкой...

– Знаете, она все еще утверждает, что невиновна... – Он замолчал, как будто ждал реакции Майкла. Майкл сидел, уставившись в маленькое окошко, затянутое паутиной так, что не было видно улицу. Он был не в состоянии принять мысль о том, что его дочь могут скоро выпустить. – Боюсь, то, что она настаивает на своей невинности, не поможет ей получить разрешение на условно-досрочное освобождение. От заключенных ждут, чтобы они работали со своим преступным поведением и демонстрировали раскаяние в содеянном. Я пытался ее в этом убедить.

– Не думаю, что у нее получилось бы раскаяться.

– Я в этом деле недавно, мистер Лонг. – Уинтер наклонился вперед, и Майкл почувствовал его дыхание, запах мяты, маскирующий запах чего-то острого, съеденного накануне. Не выпивки, конечно. Уинтер просто не мог быть пьяницей. Слишком безжизненный. – Но я не нашел записей о ваших визитах к дочери.

– Пег навещала, пока со здоровьем не стало совсем плохо. – Слова вырвались сами, Майкл не успел заставить себя замолчать, хотя сам себе поклялся, что не скажет Уинтеру ни слова. Он подвозил жену в дни посещений, высаживал ее прямо у ворот тюрьмы, потому что каждый раз, как они приезжали, дул ветер и дождь бил в лицо. Потом он парковался на парковке для посетителей и сидел в машине перед газетой, раскрытой на руле, не читая ее, пока люди не начинали выходить из ворот. Он удивлялся тому, как обыденно все они выглядели, родители и мужа заключенных там женщин. С расстояния он не мог отличить Пег от других.

– А вы нет? – Уинтер по-прежнему говорил терпеливо, но взгляд был полон осуждения и неприязни.

– Как и Мэнтел, – сказал Майкл. – Он ее тоже ни разу не навестил.

– Это ведь не то же самое, мистер Лонг. Он считал, что она убила его единственную дочь.

Майкл отвернулся. Он признавал справедливость этих слов, но не мог стерпеть презрения, с которым тот их произнес.

– Но он говорил Джини, что любил ее, – сказал он тихо. Тщетная попытка сопротивления. Затем он произнес тверже: – У вас есть дочь, Уинтер?

– Это не имеет отношения к делу.

– Точно, у вас есть дочь. – Он прочитал это по какому-то выражению на лице Уинтера. – Представьте, что бы вы почувствовали, если бы ваша девчонка сотворила что-нибудь в этом роде. Задушила ребенка только потому, что он встал между ней и ее любовником. Вы смогли бы поддержать ее, а? Стали бы навещать ее там?

Уинтер молчал, и Майкл на мгновение восторжествовал. Затем инспектор продолжил тем же голосом праведника, от которого Майклу захотелось его ударить:

– Наверное, мне было бы отвратительно это преступление, мистер Лонг, но не девочка, совершившая его. – Он поставил чашку и быстро продолжил: – Теперь насчет досрочного.

– А что с ним?

– Комиссии по условно-досрочным освобождениям нужно будет знать, что ей есть куда вернуться. Что будет поддержка.

– Вы спрашиваете, можно ли ей переехать ко мне?

– Я знаю, что для вас это будет трудно, но это понадобится только на короткое время, пока она не найдет что-то более подходящее.

– Ты вообще слышал хоть слово из того, что я сказал, а? – Майкл понял, что кричит. – Она убила ту девчонку, и это убило мою жену. Как я могу жить с ней под одной крышей?

Только теперь, похоже, оказалось, что она не убивала Эбигейл Мэнтел. Сидя здесь в это дождливое воскресенье, вернувшись из церкви, держась лишь за остатки виски, он снова и снова возвращался в мыслях к этому факту и убегал от него. Это было слишком. Он не мог всего этого принять. Если Джини не была убийцей, то что же он за чудовище? Отвернулся от нее. На улице стемнело, но он так и не сдвинулся с места. Только когда на церковной башне снова включили скрипучую запись колокольного звона, хрипло призывавшую к вечерне, что означало, что под окнами пойдут люди, он наконец поднялся, зашторил занавески и включил свет.

Глава седьмая

На следующее утро Майкл, как обычно, проснулся около шести. Это была привычка, которой он никогда не изменял. Непрерывная деятельность была для него словно зависимость. Рулевым катера он работал сменами по двенадцать часов и даже после целой ночи дежурства не мог заснуть в течение дня. На пенсии вынужденная праздность вызывала панику. Вот Джини была ленивой. Иногда она часами сидела у себя в комнате, и когда ее спрашивали, чем она занимается, то говорила, что работает. Но, на его взгляд, на работу это не было похоже. Время от времени она оставляла дверь приоткрытой, и он заглядывал внутрь. Она лежала на кровати, иногда даже не одевшись, с закрытыми глазами и включенной музыкой. Некоторая музыка ему нравилась – духовые оркестры, марши, ударные, песни из старых мюзиклов, но она никогда не ставила ничего в таком духе. Обычно она слушала скрипки или фортепиано, что-то настолько писклявое, что ему хотелось писать. «Музыка для пи-пи», – как он ей говорил, ухмыляясь, а она замирала и бледнела. Он не понимал, почему ее молчание так его бесило, но бесило. Ему хотелось закричать на нее, сорваться на ней. Он никогда этого не делал, и злость и раздражение постепенно испарялись. Только Пег знала о них.

Может, им вообще не стоило иметь детей. Они и так были достаточно счастливы. Он, по крайней мере. Он так и не понял, что об этом думала Пег. Или, может, когда родилась Джини, он был уже слишком стар, слишком скован своими привычками. Но ему казалось, что по отношению к дочери он все делал правильно. Он не знал, что можно было бы сделать иначе. Он ведь платил за ее уроки музыки. Отвозил ее каждую неделю в город, слушал скрипучую скрипку, бесконечные гаммы на фортепиано, доставшемся от матери Пег. Пег тоже играла на фортепиано. Пропустив пару стаканчиков бренди с друзьями, она садилась им поиграть. Она всегда играла песни поколения их родителей, старые эстрадные номера, а они все присоединялись, подбирая слова, какие приходили на ум, хохотали, не допев до конца. Он не помнил, чтобы Джини когда-нибудь так смеялась, даже когда была ребенком.

В той дочке Мэнтела хотя бы была жизнь, какая-то энергия. Он это видел, когда они все пришли в Пойнт на воскресный ужин. По ней, по тому, как она запрокидывала голову, было видно, что ей хотелось, чтобы на нее смотрели. Если бы в Джини была хоть капля такого же задора, может, они бы так не ссорились. Хотя, подумал он, ссор как таковых и не было. Скорее, угрюмое молчание. Пег была словно буфер между Джини с ее мрачной неприязнью и его злостью. Тот воскресный ужин был идеей Пег. «Понятно, что Джини от него без ума. Он старше, но ведь в этом ничего страшного нет. Ты старше меня. И он ведь уже не женат». Он пытался ей объяснить, что не все так просто, но она этого не понимала.

В семь часов Майкл позволил себе вылезти из постели и приготовить чай. Но он все не мог думать ни о чем другом, кроме Джини и того, как он мог ошибаться на ее счет. Злость вошла в привычку, как ранние подъемы, только теперь выплеснуть ее было не на кого, кроме себя самого. Даже прокручивание в голове образов инспектора Уинтера больше не работало. Пока закипал чайник, он подумал о виски в шкафу под мойкой и с большим трудом удержался от того, чтобы нагнуться и вытащить его. Он услышал голос Пег. Ему пришлось остановить себя, когда он чуть не обернулся, ведь ему показалось, что она здесь, в комнате, рядом с ним. *Пьете до завтрака, Майкл Лонг? Я этого не потерплю.* Он отжал чайный пакетик о стенку чашки и подумал, что, наверное, сходит с ума. То, через что он прошел, кого угодно сведет с ума. Как свыкнуться со всеми этими мыслями и воспоминаниями, которые, видимо, так и будут вращаться по кругу в его голове, до самой смерти? Конечно, вот почему он пошел в церковь. Думал, что там произойдет чудо, что, когда он положит на язык круглую картонную вафлю, они все исчезнут. А не ради покаяния и прощения. Но это не работало. Ничто бы не работало.

Он отнес чай в спальню, но не стал возвращаться в смятую постель. Сел на край, держа чашку в одной руке, а молочник в другой. Отхлебнул горячую жидкость и представил себе искаженное ужасом лицо Джини, когда он так делал при всех. А дочь Мэнтела только рассмеялась. Это было во время того ужина – единственный раз, когда Мэнтел переступил порог дома в Пойнте, насколько ему было известно. После еды Пег заварила чайник чая, и он стал пить, как всегда, может, даже громче, потому что перед их приездом выпил для смелости. Наступила тишина, лицо Джини перекошилось от отвращения, а потом Эбигейл Мэнтел запрокинула голову и рассмеялась. Это растопило лед, и все рассмеялись следом, даже Джини выдавила еле заметную улыбку.

О самоубийстве ему рассказал начальник тюрьмы. Он пришел к нему примерно в то же время, что сейчас, может, чуть позже. Майкл открыл дверь, чтобы забрать молоко, а там стоял высокий седой человек в костюме и черном пальто. Наверное, он проговаривал про себя, что собирается сказать, потому что беззвучно двигал губами. Он удивился, увидев Майкла в домашнем халате. Но быстро взял себя в руки. Начальник тюрьмы должен уметь быстро соображать.

– Мистер Лонг, – сказал он. – Я из «Спинни Фен»...

Майкл прервал его.

– Вы зря тратите время. Я уже говорил тому. Я не могу ее здесь принять.

– Джини умерла, мистер Лонг. Думаю, вам лучше позволить мне войти.

И он присидел в маленькой передней больше часа, рассказывая Майклу, что произошло. Как один из охранников зашел отпереть дверь камеры Джини утром и нашел ее. Что она умерла задолго до этого, возможно, вскоре после того, как двери заперли на ночь накануне. Что сделать ничего было нельзя.

– Нам всем ужасно жаль, мистер Лонг. – Казалось, он говорил искренне. Но самое большое потрясение его ждало под конец разговора. – Возможно, Джини была невиновна, мистер Лонг. Насколько я понимаю, полиция планирует снова открыть дело Эбигейл Мэнтел. Джини об этом не сообщали. Не было официальной информации, понимаете? На тот момент мы ничего не могли сделать. Но я подумал, что вам следует знать.

В прихожей он задержался.

– Вы хотели бы увидеть дочь, мистер Лонг? Я могу это организовать, если хотите.

На какое-то мгновение Майклу этого захотелось. Но потом он подумал: *«Я не имею права. Я не виделся с ней, когда она была жива. Какое право я имею лезть к ней теперь?»*

Он молча покачал головой.

Мужчина вышел через переднюю дверь, сгорбившись, потому что был очень высоким и боялся удариться головой о косяк. Майкл смотрел, как он идет к машине ярко-красного цвета, напоминавшей спортивную, и решил, что тоже покончит с собой. В течение одного дня он предавался фантазиям о том, как это лучше сделать – повеситься, как Джини, или выпить таблеток, или утопиться. Ему нравилась идея с утоплением. В эту пору вода была холодная, вскоре он потерял бы сознание, и было что-то логичное в том, чтобы моряк отправился на покой на дно морское. Конечно, он этого не сделал. Это было бы предательством. Он останется жить, пока убийцу Эбигейл Мэнтел не передадут в руки правосудия. Он был обязан. Ради Джини.

Майкл пошел в ванную, умылся и побрился. В последнее время он этим не утруждался, за исключением вчерашнего дня перед походом в церковь, но, раз уж он собирался остаться в живых, нужно было делать все, как полагается. Играть по правилам до конца. По этой же причине он положил хлеб на гриль и заставил себя позавтракать.

Он как раз вытирал тарелку и чашку, когда в дверь позвонили. Времени было половина девятого. Женщина, убиравшая у него раз в неделю, приходила в другой день, так что он проигнорировал звонок. Но позвонили снова. Наверное, какой-нибудь репортер хотел предложить

ему состояние за фото Джини, обещая рассказать его версию событий. Звонок продолжал звонить, пискляво, беспрерывно, как будто кто-то удерживал кнопку. Он вышел в прихожую. Через матовое стекло передней двери он увидел тень какой-то громоздкой фигуры.

– Уходите, – крикнул он. – Оставьте меня в покое. Иначе я вызову полицию.

Звонок замолчал, и створка почтового ящика приподнялась. Он увидел рот, губы, глотку.

– Я и есть полиция, милый, и если не хочешь проехаться до участка в патрульной машине, лучшепусти меня в дом.

Он открыл дверь. На пороге стояла женщина. Что-то в ее позе напомнило ему Пег, и его отношение к ней вдруг изменилось – он почувствовал некое расположение. Возможно, дело было в ее габаритах, толстых ногах и тяжелом крупном бюсте. Но было и что-то еще. То, как она улыбнулась. Как будто даже видя, что он ворчливый старый мерзавец, она почему-то все равно испытывала к нему симпатию. Она прошла в прихожую.

– Тесновато тут, – сказала она.

Он не стал спорить. Она ему нравилась, в отличие от инспектора Уинтера, который влез в его дом, думая, что он что-то понимает в чувствах Майкла. Она была из тех женщин, которые сразу говорят, что думают. Она не собиралась разыгрывать комедию перед всем светом.

– Я видела вас вчера в церкви, – продолжила она. – Вышла за вами следом. Но вы казались расстроенным, я и решила, что лучше будет денек подождать.

– Пожалуй, вы были правы.

– Вы позавтракали? – спросила она.

Он кивнул.

– Значит, пришло время кофе.

– У меня нет кофе, – сказал он. – Чай сойдет?

– Только если крепкий. Терпеть не могу слабый чай.

Когда он зашел в гостиную с подносом, она все еще стояла. Он заварил чай в чайнике и накрыл его грелкой, которую Пег связала из старых остатков шерсти. Поставил кружки. Он подумал, что над маленькой чашкой она бы посмеялась. Она рассматривала фотографии на полке в нише рядом с газовым камином. На одной из фотографий был он, стоящий рядом с лодкой, в день, когда ему вручили награду, расплывшийся в широкой улыбке, которая была скорее вызвана элем, чем медалью. На другой был он и Пег в день их свадьбы – он, тощий, как те африканцы, которых показывают по телику в репортажах про голод, и она, мягкая и округлая, с венком из шелковых цветов в волосах и розами в руке.

– Фотографий Джини нет? – спросила женщина. – Вы же не продали их прессе?

– Я бы такого не сделал! – Он был в ужасе от того, что она сочла его способным на это.

– Нет, – мягко сказала она. – Конечно нет. Так почему нет фотографий?

– Я считал, что она виновна. Все это время я считал ее виновной.

– Это естественно. Все улики указывали на нее.

– Так вы тоже думаете, что это она? – Он не был уверен, почувствовал ли он надежду или страх.

– Ну... – Она замолчала. – Вы знаете, что она говорила, что уезжала в Лондон в тот день, когда убили Эбигейл?

– Ага. Никто ее не видел.

– Появился свидетель. Студент, который ее знал. Клянется, что в тот день она была на вокзале Кингс-Кросс. Я поговорила с парнем. Если он врет, то я – модель ню на обложке «Вог».

– Дело не только в том, что я думал, что она убила ту школьницу. – Майкл почувствовал, что ему нужно объяснить. – Я винил ее и в смерти Пег тоже.

– Пег верила, что она совершила убийство?

Он покачал головой.

– Ни минуты. Она боролась за Джини, говорила с прессой, с полицией, с адвокатами. Это ее измотало.

– Ну, ваше отношение ей вряд ли помогло, упертый вы болван.

Ему нечего было на это ответить, и он налил чай, предварительно взболтав чайник, чтобы было покрепче. Она тяжело уселась в кресло. Он аккуратно поставил кружку на маленький столик перед ней и с тревогой ждал, пока она снимала пробу.

– Идеально, – сказала она. – Как я люблю.

Он сел на свое место и ждал ее объяснений.

– Я Вера Стэнхоуп. Инспектор. Полиция Нортгумберленда. В таких делах присылают полицейских из других округов. Посмотреть свежим взглядом, понимаете? Проверить, все ли было сделано правильно в первый раз.

– Раньше тут руководила женщина. – Сначала ему это казалось странным. Женщина руководит командой мужчин. Но когда они пару раз встретились, он понял, как ей это удавалось.

– Руководила, значит, – произнесла Вера задумчиво.

– Как ее звали? – Память всегда подводила его, когда дело касалось имен. Он видел лишь силуэт женщины, сидевшей на кухне в их доме в Пойнте. Из окна за спиной на нее лился тусклый зимний свет. Она была очень симпатичной, в черном костюме, короткой юбке, пиджаке по фигуре. Он обратил внимание на ее ноги в тонких черных колготках. И хотя они говорили о Джини и убийстве, он поймал себя на том, что смотрит на ее ноги и представляет себе, как касается их.

– Флетчер, – сказала Вера. – Кэролайн Флетчер.

– Она считала, что Джини виновна. С самого начала. Не то, чтобы она была с нами невежлива. Может, как раз поэтому я все понял, по тому, как она общалась. С сочувствием, понимаете? С жалостью. Она знала, через что нам придется пройти, когда дело дойдет до суда.

– Она оставила службу какое-то время назад, – сказала Вера. – На этот раз придется вам иметь дело со мной. А я не такая симпатичная.

– Зато общаться проще. – Ему было трудно говорить с инспектором Флетчер. Она задавала много вопросов, но у него было такое чувство, что она не слушает ответы, что за вежливой улыбкой и ясными глазами уже быстро делаются какие-то выводы, и они никак не связаны с тем, что он говорит.

– Вот для чего я здесь, – сказала Вера. – Я хочу, чтобы вы со мной пообщались.

– Я мог помочь ей с досрочным, – сказал он вдруг. – Если бы сказал, что она может остаться здесь, что я ее поддержу, когда она выйдет. Если бы я поверил ей, она бы все еще была жива.

Она поставила кружку и посмотрела на него, сердито сжав губы.

Он подумал, что она на него накричит, выскажет ему все, что думает насчет его недоверия к дочери.

– Не вы ее туда засадили. – Она говорила очень медленно и отчетливо, нажимая на каждый слог, словно отбивая такт. – А мы. Мы. Полиция и Королевская прокуратура, судья и присяжные. Не вы. Вы не виноваты.

Он не поверил ей, но был благодарен за эти слова.

– Что вы хотите знать?

– Все, – сказала она. – Все о том времени.

– Не уверен, что смогу вспомнить. И я могу что-нибудь напутать, какие-нибудь детали.

– Ну, – сказала она, – как раз с деталями проблем не бывает. Они запоминаются лучше всего.

Глава восьмая

Пег была единственным человеком, с кем Майкл мог вот так говорить. Когда Майкл прерывался, чтобы взглянуть на Веру, проверить, слушает ли она, оценить ее реакцию на его слова, он каждый раз поражался, потому что почти ожидал увидеть лицо жены. Вера слушала *всегда*.

Он начал сначала.

– Я никогда не думал о детишках. Я думал, мы и так счастливы. Но для Пег это было важно. Думаю, ей хотелось иметь большую семью – у нее было четверо сестер. У ее отца была ферма недалеко от Хорнси. Когда она поняла, что беременна, была вне себя от восторга. Она уже потеряла всякую надежду, что это произойдет. Ну, я был рад за нее, но не понимал, как это может сделать жизнь еще лучше.

А потом родилась Джини, в ночь большого весеннего половодья. Она была длинной и тощей, даже младенцем, с густыми черными волосами.

– Вы тогда жили в Пойнте?

– Ага, из-за работы. Мы думали, что для ребенка место тоже сойдет. Просторно: было, где побегать. Хороший свежий воздух. И не одиноко – у спасателей, живших по соседству, тоже были дети, а когда она выросла, Пег возила ее в детский садик в Элвет. Но ей никогда не нужна была компания, даже когда она была маленькая. Всегда в окружении книг и музыки. С самого начала.

Он поднял взгляд.

– Пег всегда говорила, что она пошла в меня, но я этого не замечал. Я не любитель книг. «Джини гордая и упрямая, – говорила она. – От кого это у нее, по-твоему?»

– Я пытаюсь найти ее друзей, – сказала Вера. – Мне бы хотелось поговорить с людьми, которые ее знали. Наверняка в школе были какие-нибудь девочки...

– Наверное, подружки были. Девочки из школы, как вы говорите. Она ходила к ним на дни рождения, а Пег приглашала их к нам на чай. – Он вспомнил о тех днях. Дом, казалось, был ими полон – маленькими симпатичными девчонками в нарядных платьях, которые хихикали, болтали и гонялись друг за дружкой по саду. – Но я видел, что Джини ни с кем из них не близка. В ней было что-то траурное. Она воспринимала жизнь слишком серьезно. Не знаю, откуда это в ней. Мы с Пег всегда любили похихотать.

– Что насчет парней?

– В школе никого не было. Она говорила, что слишком занята экзаменами. Пег иногда ее поддразнивала на этот счет, говорила, что нельзя провести всю жизнь в трудах. А она отвечала – крайне серьезно: «Но, мам, мне нравится работать». Может, в университете и были ребята, но мы об этом ничего не знали. Она уехала в Лидс. Оставалась на связи – звонила матери раз в неделю, периодически приезжала домой по воскресеньям. Но никогда не упоминала о парне. – Он остановился. – Может, кто-то и был. Может, она рассказала Пег и попросила не говорить мне. Она считала, что я ее все время критикую. Может, так и было. Я должен был приложить больше усилий, чтобы с ней поладить.

– А она должна была приложить больше усилий, чтобы поладить с вами, – мягко сказала Вера.

– Нет. Раньше я тоже так считал. Но я слишком много думал о себе.

– Что вы имеете в виду?

Объяснить было сложно. Так, чтобы не звучало, как хвастовство. А сейчас было не время бахвалиться.

– Тогда я был не последним человеком на деревне. Член приходского совета. Рулевой на катере, который подводит лоцманов к кораблям на реке. Если вы бывали в Пойнте, то видели их. Пришвартованные к длинному пирсу.

Она кивнула.

– В этом есть свой кайф. Особое возбуждение. Ради него ты этим и занимаешься. Но в то же время это достойная работа, и ты полагаешь, что заслуживаешь уважения. – Он снова помедлил. – Пег считала, что дети ничем не обязаны родителям. Говорила, что они не просят их рожать. Все обязательства – только у родителей. Тогда я этого не понимал, но сейчас мне кажется, что она была права.

Вера не высказала никакого мнения на этот счет.

– У меня самой никогда не было детей, – сказала она.

Ему хотелось спросить, хотела ли она детей. Он предполагал, что всем женщинам с возрастом начинает хотеться. Но, несмотря на то что ему показалось, что он очень сблизился с этой полной женщиной, чья внушительная фигура как будто заняла половину его гостиной, он решил, что вопрос слишком личный.

– Как Джини познакомилась с Китом Мэнтелом? – вдруг спросила Вера, и он был рад, что разговор перешел в более безопасное русло. Ему всегда было легче говорить о фактах.

– Здесь, в Элвете. В «Якоре». Она там подрабатывала по вечерам, еще когда была в школе. Мыла посуду, разносила еду, когда стала постарше – периодически работала на баре. Они ее очень ценили. Самая надежная студентка из всех, что они когда-либо нанимали, – так говорила владелица паба, Вероника.

– Наверное, вы ею гордились.

– Да, – нехотя сказал он. – Гордился. И не только из-за ее работы в пабе. И из-за экзаменов, и музыки, и всего. Я был слишком упрям, чтобы сказать ей. Тогда большинство людей меня любили. Майк Лонг, душа компании, на мне вся деревня держалась. Но не она. Я не понимал, не мог простить ей, что она меня не признавала. – Он снова бросил взгляд на Веру. – Извините. Болтаю всякую ерунду.

– Разве Джини еще не была студенткой, когда они с Мэнтелом познакомились? Я не понимаю, что она здесь делала. Вряд ли она стала бы возвращаться в Элвет из Лидса ради субботней подработки.

– Она приехала домой на каникулы перед выпускными экзаменами. На пару недель. Пег ее убедила. Сказала, здесь будет спокойнее готовиться. На самом деле, конечно, она хотела ее немножко побаловать. Подкормить. Вероника, наверное, прослышала, что она здесь, потому что как-то позвонила сюда в панике. Попросила Джини помочь им в «Якоре» пару вечеров. Одна из девушек заболела, и хозяйка сбивалась с ног. Так что Джини пошла навстречу.

– И там она познакомилась с Китом Мэнтелом?

– Похоже на то. Тогда она нам, конечно, ничего не сказала.

– Как так получилось, что она переехала к нему жить?

Молчание.

– Я виноват, – сказал он наконец. – Наговорил, не подумав. Как обычно.

Вера ничего не ответила. На этот раз она не собиралась помогать ему.

– Она вернулась домой, как только экзамены закончились. Мы не ожидали. Она говорила, что на каникулы поедет путешествовать. Хотела поехать в Италию.

– Одна?

– Ага. Ей так больше нравилось. Раньше, по крайней мере. Короче, она вернулась. Сказала, что ей якобы нужно остаться на случай, если будут прослушивания. Звучало убедительно. Ей всегда хотелось стать профессиональным музыкантом, а в этом деле конкуренция высокая. Она сказала, что не может позволить себе исчезнуть на все лето. Пег была в восторге. А Вероника снова взяла ее на работу в паб.

– Как вы ладили, когда она вернулась домой?

– Лучше. Я думал, это из-за того, что она уезжала. Уже не казалась такой ранимой. И может, я с возрастом стал помягче.

– Но все дело было в том, что она была влюблена.

Он с вызовом посмотрел на нее, но она не иронизировала. В ее лице не было усмешки. Она выглядела очень грустной.

– Я увидел их вместе, – сказал Майкл. – Ее и этого Мэнтела. Наверное, он подвозил ее домой с работы после обеденной смены. Она думала, что меня не будет дома. Они сидели в этой его пижонской машине. Крыша была убрана. Они тискались, как сумасшедшие. Его рука под ее рубашкой. – Он почувствовал, что покраснел, как девчонка. – Среда бела дня.

– Почему вы были так настроены против него? – спросила Вера. – Конечно, он был старше, но ведь он не был женат. А вам хотелось, чтобы она повеселела. Ей уже исполнился двадцать один год. Не ребенок. – Он не ответил, и она продолжила: – Вы узнали его, когда увидели их вместе в машине? Если он был постоянным гостем в «Якоре», вы, наверное, знали, кто он такой.

– Конечно, я его знал. Кит Мэнтел. Все знали его репутацию. Да и сейчас знают.

– Какую репутацию? – с невинным видом спросила она.

– Жулика, – ответил он. – Вот какую.

– Я проверила его по записям. Ему никогда не предъявляли никаких обвинений. Было несколько нарушений ПДД – в основном превышение скорости, – но ничего серьезного.

– Просто его не удавалось поймать. Я говорю, он жулик.

– Почему вы так считаете, мистер Лонг? – Она улыбнулась, и он услышал в ее словах вызов, но и сочувствие. У нее были свои соображения насчет Кита Мэнтела. – Что вам известно о нашем Ките?

Казалось, что в тесной комнате воздуха стало даже меньше, чем обычно. Он почувствовал, как ему сдавило грудь, как дыхание стало быстрым и поверхностным. Что это было такое? Эта женщина возвращала его к жизни, но ему было больно. После смерти Пег это был первый настоящий разговор с кем-либо. Она была первой, кто отнесся к нему серьезно.

– Он обаятельный, – сказал Лонг. – Всех тут окрутил, когда только приехал.

– Но не вас. Вы видели его насквозь.

– У меня были подозрения. – Он замолчал, дразня ее, заставляя ее подождать. – Во-первых, тот дом. Он был не первым, кто пытался получить разрешение на перестройку Старой часовни, но всем всегда отказывали. Не только из-за риска затопления и эрозии. Там не было подъездной дороги, понимаете, это место вообще не предназначено для жилого строительства. Там можно строить только сельскохозяйственные постройки. А тот особняк, который Мэнтел себе отстроил, не имел никакого отношения к сельскому хозяйству. Он наверняка подмазал кого-то, чтобы получить это разрешение в комитете планирования.

– В деревне, наверное, этого не одобряли... – Она разыгрывала с ним простушку. Подыгрывала ему. Он это понимал и не возражал.

– Сначала – возможно. А потом он стал ходить в «Якорь», угощать всех выпивкой. Сделал пожертвование в клуб по крикету, чтобы починили крышу. Еще одно в школу, чтобы купили пару компьютеров. Они все ели у него с руки. К тому же все сочувствовали, что он воспитывал девочку один. Скоро все позабыли о том, что он появился здесь обманным путем.

– Кроме вас. Вы не забыли.

Майкл знал, что она делает. Дает ему почувствовать себя умным. Особенным. Но все равно ему нравилось.

– Он мне никогда не нравился. Добился того, чтобы его избрали в приходский совет. И у нас были разногласия.

Этот момент она пока решила опустить.

– Наверняка у вас были еще причины, чтобы его не любить. Он же не первый, кто добился разрешения на строительство нового дома, подергав за ниточки. Не самое большое преступление.

– Я навел справки.

– Вот об этом я и говорю. Вы могли бы стать детективом.

– У меня бы хорошо получилось, – сказал он серьезно. – Без хвастовства. – И они усмехнулись друг другу.

– Что же вы откопали? – Она наклонилась вперед, опершись локтями в широкие колени, растянув платье, которое его Пег не пустила бы даже на тряпки.

Майкл откинулся на стуле и прикрыл глаза. Он все это знал наизусть. Только рассказывать никогда не приходилось.

– Мэнтел вырос в этих краях, в Крилле, это город вверх по побережью. Отец был директором школы. Мать работала на почте. Семья приятная во всех отношениях. Но Мэнтелу этого всегда было недостаточно. У него были дорогие увлечения, даже в детстве. Еще будучи школьником, он начал работать на пожилую вдову, жившую по соседству, – помогал в саду, по дому, ходил за покупками. Компаньон, как он себя называл.

– Мило.

– Да, можно и так сказать. После смерти она оставила ему все свои деньги по завещанию.

– У нее не было семьи?

– Был племянник в Суррее. Он пытался оспорить, но дело казалось чистым.

– То есть Мэнтел ее очаровал?

– Или напугал ее до смерти.

Какое-то время они сидели молча. Было слышно, как тикали большие круглые часы на камине.

– Тогда он начал инвестировать в недвижимость. Ему еще не было двадцати, когда он купил в городе пару домов. Сдавал их студентам. Потом купил еще. Один из них сгорел. Может, электропроводка подвела, хотя доказательств не было, но, так или иначе, он получил страховку. Повезло, что никто не пострадал. Но руководство колледжа все равно возмутилось, и он решил, что студенты – не лучшие жильцы. Слишком болтливые. Слишком любят жаловаться. Знают свои права. Так что он начал сдавать семьям, которые живут на квартирное пособие.

– Большой простор для обмана. Особенно когда пособие выплачивается напрямую домовладельцу.

– Именно. И если денег было в обрез, он предлагал семьям пожить в долг.

– Как я и сказала. – Глаза Веры блеснули. Он видел, что она получает удовольствие от разговора. – Очень мило.

– В отличие от процентов, которые он с них брал.

Они посмотрели друг на друга.

– Мне кое-что об этом известно, – наконец произнесла она. – Я слышала, что он был замешан в мошенничестве с субсидиями, кредитами. Недолго, конечно. Сейчас он уважаемый бизнесмен. Занимается восстановлением городской среды. Работает с общественностью. То и дело обедает с принцем Уэльским. Чуть ли не святой. – Она перевела дыхание. – Я не знала, откуда у него появились первые деньги. Наверное, пришлось покопаться, чтобы достать эту информацию.

– Я упрямый мерзавец. Я не сдаюсь.

– Но в этом должно было быть что-то личное. Наверное, вы начали копать под Мэнтела до того, как он спутался с вашей Джини.

– Кое-что я обнаружил раньше. А потом задумался об этом всерьез.

– Почему вы начали копать под него?

– Он пытался подорвать мой авторитет в деревне. Заставил меня выглядеть дураком. Я не мог этого допустить. Думал, что, если расскажу остальным, откуда у него деньги, что он за человек на самом деле, они от него отвернутся.

– Вы рассказали?

– Не было возможности. Сначала у меня не было доказательств. А когда Джини переехала к нему, все бы решили, что дело в этом. Что я обозлился, потому что он трахал мою дочь. А потом умерла его девочка, и все это перестало казаться важным.

– Но вы попытались рассказать Джини?

Он кивнул.

– В тот вечер, когда я увидел их вместе в машине перед домом. Я разозлился. Все вышло неправильно. Она мне не поверила. Собрала вещи и сбежала.

– Тогда она переехала к Мэнтелу?

– Да. Так что это все моя вина. Смерть девочки. Заключение Джини. Если бы я держал себя в руках, ничего бы этого не произошло.

– Мы этого не знаем. Пока что. Когда Мэнтел попросил Джини съехать, она вернулась к вам?

– Ей не хотелось, но больше ей некуда было идти. Она все еще была влюблена в Мэнтела. Не стала бы уезжать. И мы немного наладили отношения. Пег прилагала все усилия, говорила: «Я знаю, что тебе не нравится, но если мы не будем стараться, то совсем потеряем ее». Пег пригласила их на воскресный обед – Мэнтела, Джини и его дочь. Так возилась с едой, как будто мы ожидали королевскую семью. Это был один из самых сложных моментов в моей жизни – я был вынужден сидеть за столом с этим человеком, смотреть, как он улыбается. Хотя прекрасно понимает, чего мне это все стоит. – Майкл помолчал. – Я долго думал, не из-за этого ли он сошел с Джини. Или, по крайней мере, так долго был с ней. Не для того ли, чтобы досадить мне?

Глава девятая

Джеймс удивился, увидев, как увлеченно Эмма общалась с Робертом на кухне после воскресного обеда в Спрингхед-Хаусе. Он знал, что ему семейные встречи нравились больше, чем ей, и обычно ей было нелегко в компании Роберта. Джеймс никогда не мог понять, какие у нее могли быть претензии к родителям. Они были совершенно адекватные и приличные люди. Нетребовательные. Ему хватало ума не говорить этого, но, когда Эмма жаловалась на Роберта и Мэри, он считал, что она ведет себя, как испорченный ребенок. Хотя против этого он не возражал. Именно ее юность привлекла его в первую очередь. Она казалась неискушенной.

Они сидели в гостиной в Спрингхеде, пили чай и ели фруктовый пирог. Речь зашла о семьях. Джеймс понимал, что когда-нибудь это произойдет, но сейчас он не был готов. Разговор начался вполне безобидно.

– В следующем месяце Мэри исполняется пятьдесят, – сказал Роберт. – Мы думаем устроить праздник.

– Разве? – Мэри стояла, согнувшись, перед камином, пытаясь разжечь огонь по сильнее. Они жгли бузину, она была еще зеленая и давала мало тепла, но лицо Мэри покраснело над раздутыми углями.

– Ну, я подумал, что стоит. Мы толком не отметили серебряную свадьбу, а мне бы хотелось устроить что-нибудь в твою честь.

– Не знаю... – Перспектива, похоже, испугала ее, но Роберт этого не заметил. – Кого мы позовем?

– Я подумал отпраздновать на широкую ногу. Пригласить друзей из церкви, молодежь из клуба. Мне не хватает молодежи в доме.

– Ой, нет, мне кажется, это не лучшая идея. Я бы лучше устроила что-нибудь скромное. В кругу семьи.

Тут и произошел неожиданный поворот.

– Если тебе так хочется, – сказал Роберт. – Я, кстати, подумал, что это была бы хорошая возможность познакомиться наконец с семьей Джеймса. Я уверен, ты не будешь против их прихода.

Джеймса охватила паника, и он надеялся, что ему удалось скрыть это лучше, чем Мэри.

– Это очень любезно. Но у меня нет семьи. Нет близких.

– Мне всегда казалось это маловероятным. Жаль, что на свадьбу не пришел никто из твоих родственников. Если дело в какой-то семейной ссоре, самое время примириться. Сейчас нужно думать о новом поколении.

– Нет, – сказал Джеймс, чуть резче, чем ему хотелось. – Ничего такого.

– Подумай об этом, – сказал Роберт. – Если вспомнишь кого-нибудь, приглашай. У всех есть пожилые тетушки, троюродные братья и сестры. Нам бы хотелось с ними познакомиться.

– Честно. – Джеймсу удалось скрыть раздражение в своем голосе. – Я совсем один. Вот почему я так благодарен быть одним из почтенных Уинтеров. – Он сразу понял, что нашел правильные слова. Роберт просиял.

В машине по дороге домой Эмма извинилась за поведение отца.

– Серьезно, – сказала она. – Он такой неотесанный. Вечно все выпытывает. Именно из-за таких, как он, у соработников плохая репутация. – На обратном пути из Спрингхеда она всегда была в приподнятом настроении. Пятка для нее заканчивалась до следующей недели. Джеймс, напротив, был непривычно встревожен. Хотя он отделался от Роберта на этот раз, он подозревал, что расспросы продолжатся.

Когда они приехали домой, он расслабился, подумав, что его паника смехотворна. Ребенок в машине раскапризничался, и Эмма сразу отнесла его наверх в ванную. Джеймс снял

костюм, переоделся и стоял у двери в ванную, прислонившись к стене, и наблюдал за ними. Об этом он мечтал всю жизнь. О таком доме. О такой семье.

Они рано легли спать, потому что он все еще был на службе, и очередь дежурить вскоре должна была прийти до него. Он работал двенадцать дней и восемь дней отдыхал. Он сразу же провалился в глубокий сон, и мысли о Роберте его не тревожили.

Эмма вышла за него из-за романтического представления о море и о нем самом. А он не смог соответствовать этой фантазии.

Эта мысль поразила его, как удар молнии, в момент между тем, как зазвонил телефон и как он на него ответил. Затем испарилась, как воспоминания о сновидении испаряются, как только полностью проснешься.

Его вызывали на работу, как он и думал. В информационном центре работали две женщины, которые регистрировали звонки от агентов владельцев судов, приближавшихся к устью Хамбера или готовившихся к выходу из порта, а потом звонили лоцману, который был следующим в списке, чтобы тот вышел к кораблю. Он сразу же узнал голос. Марша. Она нравилась ему больше, чем Джо. Марша хорошо работала и всегда общалась уважительно. Он включил ночник и записал пару деталей, которые могли ему понадобиться.

– Корабль из Гула, мистер Беннетт. – У нее был спокойный голос. Она напомнила ему медсестру, отвечавшую за отделение в ночную смену. – Русский. Груз – дерево.

До Гула было далеко – минимум восемь часов пути, – но сегодня он был не против. Он быстро оделся, хотя ночью дороги были пустые и времени было достаточно. Днем это был бы кошмар. Всего одна пробка по дороге в Халл, и пропустишь прилив. Система жесткая. В последнее время был сплошной стресс, даже по дороге в офис. Эмма этого не понимала. Она считала, что у него нет эмоций. Что он ничего не чувствует.

Когда зазвонил телефон, она повернулась, но снова заснула глубоким сном, лежа на спине. Он долго ждал подходящую женщину, чтобы жениться, и как только зашел тогда в класс, где она готовила свой первый урок, понял, что нашел ее. Она выводила на доске русский алфавит, нахмурившись от усердия, стараясь писать ровно. Он пришел первым, и она отметила его имя в списке. Маленькая девочка, игравшая в учителя. Когда вечерний урок закончился, он подождал ее в коридоре и спросил, может ли пригласить ее выпить. В благодарность за то, что сделала первый урок таким приятным. Он сказал, что терпеть не мог школу в детстве и нервничал, записываясь на вечерние курсы для взрослых.

Конечно, до нее были и другие женщины, но он ничего им не обещал, ясно давая понять, что у него нет никаких серьезных намерений. Его жизнь была распланирована. Он сделал себя сам, во всех отношениях. Найти правильную жену было так же важно, как стать самым молодым лоцманом первого класса на Хамбере. Он твердо держался системы, не терпел никаких отклонений. Он был амбициозен, но дело было не только в этом. План – вот все, на чем держалась его жизнь. И это сработало. В Эмме было все, на что он надеялся.

На улице все еще шел дождь, непрерывная морось. Он подумал, что в этой части страны больше оттенков серого, чем где-либо, где он побывал. А он поехал по миру, пока учился на капитана. Серый туман над морем летом, синевато-черные гроззовые облака, почти черное море. Сегодня море было плотным, бледно-серым, как густой туман, выхватываемый светом фар.

Движение дворников вгоняло в транс, а дорога до офиса была настолько знакомой, что почти не требовала концентрации. Периодически Джеймс наткнулся на развязку, видел вывеску паба или силуэт церкви во мгле, и тогда к нему резко приходило осознание того, где он проезжал. В остальном же он вел на автомате, как в полусне. В таком состоянии накатывают воспоминания. Расспросы Роберта о его родственниках его обеспокоили. *Должен же быть кто-то... У всех есть пожилые тетишки, троюродные братья и сестры.* И еще был Кит Мэнтел. Его лицо было повсюду. Пялилось с экранов телевизоров, передовиц газет. В этих

мыслях было легко завязнуть. Но Джеймс натренировал себя не думать о плохом. Поддавшись панике, он мог потерять слишком многое. Он стал дышать медленно и думать об Эмме, идеальной жене лоцмана, нежной и непритязательной, спавшей в его постели.

Он выехал на окраины города. Повсюду вдоль реки были следы строительства. Недостроенные новые дороги, спящие краны, скелеты разрушенных зданий. Еще год назад штаб-квартира лоцманов находилась в доме восемнадцатого века, стоявшем на углу приятной улицы, выходившем на воду. Джеймсу нравилось там работать. Проходя через дверь, он ощущал присутствие тех, кто работал там до него. Ему казалось, он чувствует их запах, запах табака и соли на одежде. Так он ощущал себя причастным к традиции. Многим это было дано от рождения. Их отцы и деды были лоцманами, мальчишками они вместе ходили в школу лоцманов Тринити-Хауса. По дороге на работу он всегда планировал свой путь так, чтобы проехать мимо старой штаб-квартиры. Дом пустовал и ждал капитального ремонта. Слишком ценная недвижимость для того, чтобы служить своей изначальной цели. Проезжая мимо здания, он притормозил, любуясь его линиями, вспоминая свой первый день здесь. Затем он увидел, что дом продан. На фасаде, меж двух рядов окон, красовался огромный плакат со знакомым логотипом. *Недвижимость приобретена компанией «Мэнтел Девелопмент» для преобразования в апартаменты класса «Люкс». По всем вопросам обращайтесь в наш офис в Кингстон-апон-Халле.*

В первый момент его реакция на этот плакат удивила его. Он не узнал это чувство. Давно его не испытывал. Злость, конечно. Затем ощущение свободы от того, что он смог ей поддаться. Затем – чистое отвращение. Как будто кто-то вытер собачье дерьмо о дорогой ковер. А когда он зашел в убогий панельный дом, где теперь располагалась штаб-квартира лоцманов, на его лице была лишь спокойная обаятельная улыбка.

– Как называется корабль? Я не расслышал по телефону. Ах, да. Шкипер – мой старый друг. Сегодня все пройдет гладко.

Он взял ключи от корпоративной машины и продолжил свой путь. Трасса М62 была почти пустая, он ехал очень быстро.

Гул был маленьким городом, основная часть которого была занята доками. Река врезалась в самое сердце переплетений улиц. Наверное, странно было наблюдать из окна спальни, как мимо проплывает огромный контейнеровоз, так близко, что, высунувшись из окна, можно коснуться корпуса, а моряк, выпивающий в кубрике, может предложить угоститься. Джеймс ехал по пустому городу. Два часа ночи, и все еще шел дождь. Наверняка все вокруг спали, кроме него и команды, ждавшей его.

Но когда он вышел из машины, чтобы зайти на корабль, краем глаза он заметил мужчину, стоявшего рядом с громадой контейнеровоза. Фигура показалась знакомой. Короткие, почти сбритые волосы. Темно-синяя спецовка. Джеймс едва сдержался, чтобы не окликнуть его. Только потом он подумал, что при таком освещении цвет различить было невозможно. Он ошибся или ему показалось. Он не верил в приведения.

Глава десятая

Некоторые не любили ночные смены, недосып, усилия, которые было необходимо прилагать, чтобы поговорить с капитаном, который решил попрактиковаться в английском ранним утром. Но Джеймс практиковал искусство быть приятным до тех пор, пока это не стало естественным. Он мог практически спать стоя, но все равно рассматривать фото жены и детей шкипера, которые ждали его дома, обсуждать сравнительную ценность товаров, приведенных в каталоге «Аргос» с моряком, изумленным изобилием всего на дешевой блестящей бумаге, с благодарностью принимать чашку чая, хотя молоко было сладким, тягучим, из железной банки.

Сегодня ночью он говорил по-русски. Капитан неплохо говорил по-английски, но русский Джеймса был лучше, и он был рад необходимости сосредоточиться. Это не давало ему думать о блестящей вывеске на бывшем здании лондонской конторы. О тени в доке. Об оживших утопленниках. Джеймс записался на вечерние курсы Эммы, чтобы выучить пару базовых фраз: *десять градусов лево руля, капитан, двадцать градусов право руля*. Чтобы при обозначении направлений не было недопонимания и не пришлось звать кого-то переводить. До этого он семестр ходил на испанский – с той же целью. Но потом он увидел Эмму и остался в классе на целый год, занимался усерднее, чем когда-либо в школе, желая произвести впечатление. В награду за это он получил высший балл. А еще – жену и ребенка.

При выводе корабля из Гула ошибок быть не могло. Река Уз в этом месте была узкой и текла между бетонными стенами, как канал. Для такого судна места было мало. Казалось, что контейнеровоз не пройдет, и моряки, ни разу не бывавшие в этом порту, были в ужасе. *Куда вы меня ведете? Это невозможно. Должно быть, здесь какая-то ошибка*. Джеймс обожал эту тонкую работу. Это был вызов, испытание его навыков.

Корабль медленно отошел от дока, подсвеченного, как в кадре фильма. Черно-белый. Силуэты кранов и складов казались двухмерными, как будто выстроенными из картона. Река расширилась, задул свежий ветер. Дождь перестал, и видимость вдруг улучшилась, и он мог различить каждый берег, освещенный искрами света от фонарей, фар, окон горожан, страдавших бессонницей, и кормящих матерей.

Мальчик с черными зубами принес ему еще чая и еду – жирное тушеное мясо с бледно-оранжевой морковью и серой картошкой, которое на вкус оказалось лучше, чем на вид. Но он съел бы в любом случае. После обеда в Спрингхеде с тестем и тещей прошло уже много времени, да и отказываться было бы невежливо.

В устье реки ветер снова усилился, стал порывистым, взбивая поверхность реки в мелкую рябь, принося на палубу брызги воды. При свете дня отсюда можно было разглядеть шпиль церкви Святой Марии Магдалины в Элвете, дорогу вдоль побережья, на которую Джеймс иногда выходил с ребенком в коляске, чтобы прогуляться и предаться воспоминаниям. Было шесть часов утра. Мэттью скоро проснется. Дежурного рулевого катера в Пойнте уже должны были предупредить, что Джеймса нужно забрать с корабля.

При этой мысли, а точнее, при совпадении мыслей о церкви Марии Магдалины и рулевом на катере что-то в его памяти щелкнуло, и Джеймс понял, что человек, сидевший перед ними в церкви накануне, был Майкл Лонг. Тогда Джеймс его не узнал. Когда Джеймс работал с ним, он был резковатым, несколько агрессивным человеком, не поддававшимся обаянию Джеймса. Конечно, он пришел в церковь, чтобы оплакать свою дочь. Самоубийство. Ужасное обвинение. Джеймс поежился, хотя у штурвала, где он стоял, он был защищен от непогоды и в маленькой рубке было тепло, почти душно. Он был не склонен к фантазиям, но вдруг подумал о том, какое глубокое под кораблем море, и о том, каково это – тонуть.

Они подходили к Пойнту. Джеймс видел пристань, всю в огнях, узоры прибрежного сланца и башню службы движения судов, где сидел начальник лоцманской службы. Волны здесь были длиннее и глубже, и корабль начало раскачивать. Скоро они будут в открытом море.

– Выполняйте разворот, капитан, – спокойно сказал Джеймс. Его работа была почти закончена.

Корабль медленно закачался, длинная часть корпуса была под ветром. Катер был в пути. Хриплый голос рулевого сообщил о продвижении. Джеймс вышел на палубу, чтобы посмотреть, как он подходит. Сначала был виден лишь отблеск света, исчезающий за каждой волной. Русский капитан встал рядом с ним и хлопнул его по спине, как будто они были лучшими друзьями.

– Отличная работа, сэр, – сказал он по-английски. – С вами всегда приятно работать, лоцман.

Он опустил бутылку водки в сумку Джеймса и помахал на прощание последним каталогом «Аргос». Джеймс улыбнулся и поблагодарил его, как будто водка была его любимым напитком. Катер обошел корабль кругом и зашел с безветренной стороны. Джеймс спустился по трапу с сумкой через плечо, удостоверился, что катер на правильном месте, и спрыгнул на борт.

Рулевым была женщина по имени Венди, худоцавая, темноволосая и амбициозная. Майклу Лонгу это не понравилось, вспомнил Джеймс. Когда его заменили женщиной, это была последняя капля. Она обернулась проверить, что он в безопасности, прибавила скорость, и они отправились в Пойнт.

– Все прошло нормально, мистер Беннетт? – выкрикнула она поверх шума мотора.

– Многовато тумана в районе Уиттонса, – ответил он. – Как отлив сошел, стало нормально.

Было восемь часов, уже рассвело. Слабый солнечный свет пробивался через облака. На южном берегу реки сквозь туман блестели серебристые крыши нефтезаводов и трубы. Их контур на фоне неба напоминал большой город, как Венеция или Санкт-Петербург. Джеймсу было холодно и пусто, как бывает от недосыпа. После качки на корабле первые шаги по пристани казались неестественными, как будто доски поднимались и ударялись о его подошву раньше нужного. Он увидел, что служебной машины, которая отвезла бы его обратно в Халл, не было. Он подумал, что, если придется брать такси, он хотя бы сможет поспать.

Венди как будто прочитала его мысли.

– Скоро приедет Берт. Там танкер на Иммингем. Он сказал, если ты подождешь, сможешь уехать обратно на его машине. Заходи давай. Похоже, кофе тебе не повредит.

– Мне бы не повредило пару часов поспать. – Но слова не прозвучали как жалоба.

Буфетчик в штаб-квартире лоцманов сделал ему кофе и бутерброд с беконом. В конторе была газовая плита, она шипела и пахла, и сразу же после еды Джеймс, видимо, задремал, потому что, когда приехал Берт, на улице уже было светло.

Джеймс окунулся в мир, полный детских голосов и дневных забот. В одном из домиков спасателей женщина развешивала белье. Странная была здесь жизнь, в Пойнте. Полдюжины семей, отрезанных от большой земли, соединенных с ней лишь тонкой полоской песка, грязи и бетона, которую легко могло снести приливом. Большая часть их жизни проходила в ожидании. Рулевые лоцманских катеров ожидали прилива, а команда единственной постоянной спасательной станции ожидала, что произойдет какое-нибудь происшествие, что корабль сядет на мель. Единственное движение в их жизни могло произойти только в результате чьей-нибудь трагедии.

Все еще заторможенный от газового угара и ошалевший после сна, Джеймс постоял минуту на улице, чтобы прочистить голову. Мышцы затекли и отяжелели. Он прошел мимо башни управления судами к возвышению, откуда открывался вид на море. С этой стороны

Пойнта были заросли ежевики и облепихи, по которым носились кролики. В направлении большой земли протянулся длинный пляж. Пока он спал, туман рассеялся, и свет был ясным, резким, как бывает перед дождем. Танкер, ждавший в акватории, казался неправдоподобно близким, и катер, который уже подходил к ней, был ярким, как пластмассовая игрушка.

По пляжу вдоль береговой линии гуляли двое, мужчина и женщина. Это были не орнитологи. Орнитологи часто приезжали в Пойнт, но они все одинаково одевались и носили бинокли и подзорные трубы. Кроме того, они не расхаживали по пляжу. Они стояли там, где он стоял сейчас, – здесь можно было наблюдать за пролетающими морскими птицами. Или продирались через заросли. Джеймс не понял, что именно привлекло его внимание к паре. Возможно, мужчина – что-то в его походке было знакомым. На нем было длинное габардиновое пальто, слишком нарядное для прогулки по пляжу. Руки он держал глубоко в карманах. И еще его обувь. Большинство людей были в резиновых сапогах или ботинках, но на нем были натертые до блеска кожаные туфли. Соль оставляла на них пятна. Джеймс присел на корточки, чтобы его не было видно, и продолжил наблюдать. Мужчина вдруг остановился, продолжая говорить. Резкой остановкой он придал особый вес своим словам, вынудив женщину также остановиться и обратить на него все свое внимание.

Это был Кит Мэнтел. После того как они с Эммой переехали обратно в Элвет, Джеймсу удавалось его избегать. Сейчас он выглядел старше, чем когда Джеймс видел его в последний раз. Волосы поседел, были коротко острижены. Возможно, он набрал пару килограммов. Джеймс точно не помнил, но ему показалось, что лицо располнело. Затем мужчина повернулся, и они продолжили прогулку, и Джеймс тотчас решил, что он, видимо, ошибся. Он слишком много думал о Мэнтеле в последнее время, и он привиделся ему из-за усталости. Это была почтенная пара, вышедшая подышать свежим воздухом, прежде чем отправиться в город и продолжить вести свою напряженную жизнь. Или не такой уж почтенный бизнесмен вырвался на краткое тайное свидание с любовницей. Впрочем, в этой встрече, казалось, не было ничего романтического – скорее нечто агрессивное. Женщина нарочно отдалилась от него, споткнулась, подобрала камешек и с силой швырнула его в воду, из чего он понял, что она злится.

Джеймс развернулся и пошел обратно к дороге, где была припаркована служебная машина. Фантазий и сказок Эммы хватало на них обоих. В машине на полную мощность была включена печка, выдувавшая горячий тяжелый воздух. Джеймс выключил ее и сдал назад, в сторону от реки. Он медленно двинулся по дороге мимо небольшой группы домов и кафе, где летом разливали в кружки чай и разносили картошку. Он хотел набрать скорость, но притормозил и свернул на парковку. Он был слишком любопытным, чтобы уехать просто так. На парковке было только две машины, стоявшие бок о бок, развернутые в сторону реки. Одна – красивый черный седан, другая – квадратный внедорожник. Сбоку на внедорожнике был нарисован логотип, который Джеймс видел на плакате на лоцманской штаб-квартире в Халле. «*Мэнтел Девелопмент*». Значит, на этот раз он не фантазировал. И не спал. По крайней мере, на этот раз ему не померещилось.

Что это была за женщина? Она выглядела старше его обычных любовниц. Когда Джеймс общался с Мэнтелом, тот всегда ухлестывал за юными. Неопытными. Может, он надеялся, что ему достанется что-то от их невинности? В последнее время Джеймс слышал какие-то сплетни в деревне. Женщины в церкви обожали сенсации. Как он понял, еще одна молодая любовница переехала в красивый дом, где все еще жил Мэнтел. Женщина на пляже выглядела хорошо, была ухожена, походила на деловую леди, но была среднего возраста. Как минимум лет сорока. Джеймс выключил двигатель и вышел из машины. Он медленно обошел черный седан, не касаясь его, заглянул в окна. Это была лучшая модель в своем классе, с кожаными сиденьями, всякими модными приборами на панели. Никакого бардака, который Эмма развела в своей машине, – детские вещи, фантики, банки от колы. Не было даже портфеля. Но на пассажирском сиденье была куча писем. Женщина забрала почту, прежде чем отправиться

в поездку, но не успела ее разобрать. Верхний конверт был от компании кредитных карт и лежал адресом кверху. Джеймс разобрал имя, напечатанное на нем. Письмо было адресовано Кэролайн Флетчер.

Когда он наконец добрался до дома, было уже десять часов. Дома было тихо. Мэттью, наверное, был в кровати, уложенный на утренний сон. Эмма была в гостиной. Она зажгла огонь. Он почувствовал запах сосновых дров, как только зашел в дом. Она сидела в большом кресле, поджав ноги, на коленях лежала книжка. «Мадам Бовари» Флобера, на французском. Глаза ее были закрыты, она размеренно дышала. Когда он подошел, она зашевелилась.

– О боже, – сказала она. – Извини, пожалуйста. Ночь была тяжелая, из-за ребенка. Наверное, я задремала. А ты, конечно, устал.

– Не особо, – ответил он. – Второе дыхание. – Он кивнул в сторону книги. – Что это? Ей, казалось, стало неловко.

– Знаешь, как говорят про языки. Нужно постоянно практиковаться. Может, я решу снова вернуться к преподаванию. Не хочу, чтобы мозги заржавели.

– Хорошая идея. Кофе?

– С удовольствием. Давай я сделаю.

– Да нет, что ты, – сказал он. – Честно, у меня открылось второе дыхание.

Когда он вернулся с чашками и коробкой с печеньем, она уже спала.

Глава одиннадцатая

Во сне Эмме было пятнадцать, и было лето.

Дом, в котором жила Эбигейл с отцом, был даже больше, чем их дом в Йорке, который спроектировал отец Эммы. Когда-то это была часовня при большом доме с английским садом и парком. В здании оставили узкое высокое окно в холле, но витражи из него убрали, чтобы впустить в дом больше света. Большой дом сгорел дотла сто лет назад, и осталась только часовня, жалкая и бесполезная, пока ее не перестроил отец Эбигейл.

Теперь о ее былом предназначении напоминало лишь высокое окно и покатая крыша. Территорию вокруг засадили деревьями, а дом расширили. Построили новый гараж, над ним – квартиру для управляющего. Камни, оставшиеся от руин здания, использовали при строительстве гостиной, где Джини Лонг играла на фортепиано. Оттуда стеклянные раздвижные двери вели в оранжерею. Гостиная была обставлена в стиле, который отец Эммы презирал: стены обшиты досками из темного дерева, мягкие диваны, зеркала в золоченых рамах. Но он точно бы одобрил оранжерею: там были простые и удобные столы и стулья, в глиняных горшках стояли цветы, которые сразу же напомнили Эмме о саде в Йорке. С крыши свисал полосатый гамак.

Джини Лонг упражнялась. С тех пор, как она въехала в дом, став любовницей Кита Мэнтела, она, кажется, не прекращала играть. Зачастую одно и то же произведение повторялось снова и снова. Это доводило Эбигейл до белого каления и провоцировало бесконечную борьбу – а точнее, развивало вражду, которая началась с переезда Джини. Эбигейл отказывалась с ней общаться. Она хлопала дверьми, отказывалась есть, начинала рыдать, как только в поле зрения появлялся отец. Джини отвечала единственным своим оружием – музыкой. Она начинала играть, как только он выходил из дома рано утром, и прекращала, только когда он возвращался. Конечно, в доме были и другие комнаты. Эбигейл могла и не слушать ее игру, если бы хотела. В старой части часовни были комнаты с телевизорами, стереосистемой, компьютером, и, поскольку фортепиано находилось в новой части дома, отделенной от других толстыми стенами, звук игры оттуда был бы не слышен. Но Эбигейл было все равно. Она угрожала однажды ночью разрубить фортепиано топором, и Эмма верила в то, что она была на это способна. Она представляла себе, как разлетится на щепки дерево и заплачут струны.

Эмма и Эбигейл были в оранжерее. Эбигейл качалась в гамаке, свесив одну ногу через край. Это был последний день летних каникул, и Эмма хотела им насладиться. Светило солнце. Она могла бы пойти на пляж, намазаться автозагаром, чтобы не сильно отличаться от девочек, которые приехали с каких-нибудь греческих островов или Тенерифе. До того, как к ним переехала Джини, Кит возил Эбигейл во Флориду, но она никогда не загорала. Она была белой и гладкой, как воск. Эбигейл не захотела ни на пляж, ни поехать на автобусе в Халл, чтобы походить по магазинам. Она настояла на том, чтобы остаться дома, лелеять свою злость. Она отталкивалась ногой от каменной стены оранжереи, заставляя гамак яростно качаться. В месте крепления к потолку веревки громко скрипели, издавая звук, похожий на крик осла, но Джини не отрывалась от фортепиано. Либо она была настолько поглощена музыкой, что не слышала либо специально не реагировала.

Потом дверь открылась, и вошел Кит Мэнтел. Он был почти вдвое старше Джини, но даже Эмма понимала, что ее в нем привлекло. Песочного цвета волосы, лицо, явно подверженное флоридскому загару. Он был одет в серый костюм и белую рубашку и держал в руках портфель, но каким-то образом ему удавалось не выглядеть напыщенным или скучным. В первое мгновение Джини не заметила, что он зашел, но потом то ли через открытую дверь подул ветерок, то ли он шевельнулся, и она, оборвав игру, обернулась. Приглушенное хихиканье девочек ее не смущало, но от его присутствия она сразу потеряла концентрацию.

Она развернулась на вышитом табурете, сев спиной к фортепиано. Солнечный свет, лившийся через стеклянные двери, осветил ее фигуру. Ее глаза блестели, но не из-за солнца, а от радости видеть его.

– Чудесно, – сказала она. – Ты вернулся пораньше.

Он поставил портфель и подошел к ней. Положил руки на обнаженные плечи поверх тонких бретелек топа и поцеловал ее в макушку.

Эбигейл изобразила рвоту. Эмма почувствовала сильный укол ревности. Вряд ли кто-нибудь будет так же целовать ее.

После происшествия в церкви Эмма пыталась вспомнить детали ее встречи с Джини Лонг. Когда она проснулась, было почти что время обеда, а книга соскользнула на пол, и место, где она остановилась, потерялось. Мэттью лежал наверху в кровати, время от времени протягивая ручки к ветке с облетевшими листьями, качавшейся за окном. Джеймс лег спать. Его фуражка лежала на столе. Он дышал мягко и ровно. Он говорил, что никогда не видит снов, и глядя на то, как спокойно и умиротворенно он спал, она была готова в это поверить. Эмма переодела Мэттью и отнесла его в гостиную покормить. Она включила телевизор, чтобы посмотреть местные новости, и наткнулась на репортаж о начале нового расследования по делу Эбигейл Мэнтел.

– Появился свидетель, который может подтвердить, что Джини Лонг находилась в Лондоне в тот день, когда была убита Эбигейл Мэнтел. Мисс Лонг всегда утверждала, что в день убийства была в столице, но до сих пор тому не было никаких доказательств. Для повторного рассмотрения дела направлены полицейские из соседнего графства. Главный констебль Йоркшира и Хамберсайда отрицает, что это указывает на некомпетентность местных следователей. «Зачастую полезно посмотреть на дело свежим взглядом», – сообщил он.

Затем показали отрывок из старого новостного сюжета, где свидетели выходили из здания суда после процесса над Джини Лонг.

Эмма застегнула рубашку и натянула свитер. Положила ребенка в коляску, стоявшую в холле, и поднялась на второй этаж, чтобы собраться к выходу. Очень тихо, чтобы не разбудить Джеймса, открыла дверь гардероба и посмотрела на одежду, которую носила до беременности, – пиджаки, юбки, симпатичные блузочки, которые она надевала на занятия. Ничего из этого сегодня на нее бы не налезло, и она взяла черные брюки, шерстяной свитер с большим воротником и длинное черное пальто, которое она положила на свою сторону кровати. Села за туалетный столик, размышляя, стоит ли накраситься, но в итоге решила ограничиться красной помадой. Она написала записку для Джеймса. *Захотелось на свежий воздух. Взяла Мэттью на прогулку.*

Ребенок лежал в коляске и смотрел на нее. На нем была ярко-красная шапочка и варежки. Она подняла верх коляски, прочно закрепив его на защелки, чтобы ветер не сдул его, как только она выйдет за порог. Когда она открывала дверь и приподняла коляску, поставив ее на задние колеса, чтобы спуститься по лестнице, Мэттью засмеялся. Она вышла на площадь. Она знала, что Дэн Гринвуд в мастерской. Двери не были заперты на навесной замок, и она видела, как он приехал в девять часов. Она знала, в какое время его ждать. С тех пор как она ушла с работы, она наблюдала за ним каждый день, как он приезжал и уезжал. Летом он оставлял большие двойные двери открытыми, и она заглядывала внутрь. Но сейчас она впервые собиралась исполнить свою мечту и зайти.

В дальнем конце здания был угол, который, видимо, служил ему кабинетом. За старой стойкой стоял шкаф для хранения документов и компьютерный стол. Сегодня Дэн тоже был там, сидел за столом, освещенный настольной лампой. Нахмурившись, он смотрел на какие-то бумаги, и она подумала, что их содержание его рассердило или расстроило. Он не умел скрывать свои чувства. Однажды летом, когда большие двери были открыты, она увидела, как

он швырнул горшок, который расписывал, о стену, видимо, расстроившись, что не получилось сделать так, как ему хотелось. Эта картина ее поразила и восхитила. Джеймс никогда бы не стал так открыто демонстрировать свои чувства.

При свете лампы он выглядел неестественно, как будто на сцене. Через пыльные окошки на крыше проникало мало солнца, а лампы дневного света, прикрепленные к стропилам, были выключены. Она закрыла за собой дверь, и Дэн оторвался от бумаг.

– Эмма. – Он приподнялся и сел обратно на стул, похожий на стулья, что стоят в деревенских школах. Он всегда двигался быстро. У него были такие большие руки, что она удивлялась, как он мог ими держать маленькие кисточки, мелкие детали. Она почувствовала напряжение, которое всегда ощущала между ними. Она думала, это дрожь, которая возникает при взаимном влечении. Теперь она не была в этом уверена.

Она впервые увидела его на вечеринке, которую он устроил в честь открытия мастерской. Он проводил ее в пабе, все были приглашены – все, кто жил на площади. Она только недавно вышла замуж и уже тогда понимала, что этот брак не даст ей избавления, на которое она надеялась, но не искала приключений. В ее прошлом было достаточно приключений, и тогда у нее еще была работа, которая приносила удовлетворение. Дэн Гринвуд стоял в дверях, приветствуя гостей, и она до сих пор помнила их первую встречу. Она повернула к нему лицо, чтобы он поцеловал ее в щеку, и увидела в его глазах оторопь, почувствовала ее в быстром прикосновении губ и волос, легко пощекотавших ее кожу. Как будто он встретил старую любовницу, хотя она была уверена, что они никогда не встречались. И весь вечер, пока гости все больше веселились от дармового пива, она ощущала на себе его взгляд, и это ей льстило. Но она не удивилась. Она знала, какое впечатление может производить на одиноких мужчин.

Он подходил к каждому, представляясь и знакомясь с соседями. Он не выходил за рамки приличий, но, насколько она могла слышать из обрывков разговоров, доносившихся до нее, в его вопросах не было чуткости. Он спрашивал без обиняков, как ребенок. Не умел льстить и вести светские беседы. Конечно, в тот вечер он разговаривал и с Джеймсом. Она видела, как они вместе смеялись. Но к ней он не подошел. Как будто чувствовал, что в их близости может таиться опасность. Так она подумала тогда. Но сейчас она размышляла, не ошиблась ли. Они легко подружились с Джеймсом, естественно, как это происходит у мужчин. Частенько встречались в пабе в пятницу вечером. Оба играли в крикет за команду деревни. Она не знала, о чем они говорят – наверное, о работе, о спорте, о сплетнях.

Сейчас она чувствовала себя неловко, зажато. Она часто мечтала о том, как придет сюда, продемонстрирует ему свои чувства, но сейчас все было иначе.

– Эмма. – На этот раз он встал и вышел из-за стола. Он хмурился, был встревожен. – Что-то случилось?

Она не ответила на вопрос.

– Ты не говорил, что раньше был полицейским.

– Это было давно. Я стараюсь об этом забыть.

– Ты работал над делом Мэнтел. Я только что увидела тебя по телевизору.

Казалось, он хотел объясниться, но она не дала ему заговорить.

– Ты узнал меня, когда мы встретились в первый раз. Ты приезжал в Спрингхед в тот день, когда я нашла Эбигейл? Я этого не помню.

– Я говорил с твоим отцом.

– Но ты видел меня?

– Через кухонную дверь. Мельком. А потом Джеймс подтвердил, что это ты.

– Он знает, что ты бывший коп?

– Я этого не скрываю. Недавно это всплыло в разговоре.

Интересно, как. Может, Джеймс использует то происшествие, чтобы оправдать мое поведение? *Мы бы пригласили тебя на ужин, но Эм не любит больших компаний. В детстве она обнаружила тело убитой лучшей подружки...* Как будто одно хоть как-то связано с другим.

– Ты не думал, что мне было бы интересно знать, что ты работал над этим делом?

– Я не думал, что тебе захочется о нем вспоминать.

– Забыть нелегко, – сказала она. – Особенно сейчас. Столько шумихи.

– Тебя достают журналисты?

– Нет.

– Они тебя выследят. Я знаю, что ты сменила фамилию, но, возможно, стоит изменить и номер телефона.

– Нас нет в телефонной книге.

– Это их не остановит.

Разговор звучал неестественно громко и быстро. Слова будто отскакивали от стен. Одно мгновение они просто молча смотрели друг на друга.

– Слушай, – сказал он. – Я могу сделать тебе кофе. – Он вытер стул рукавом. – Присядь.

– Я хочу знать, что происходит! – крикнула она. – Со мной никто не разговаривает. Это несправедливо. Я причастна к этому делу.

Ей не пришлось долго думать над речью. Обида росла в ней всю ночь, хоть она и не думала, что обижена именно на Дэна Гринвуда. *Та инспектор Флетчер, Кэролайн, сначала старалась. Была милашкой, пока полиция работала над делом до суда, пока я могла пригодиться. Приходила каждый день, чтобы узнать, что еще я смогла вспомнить. А теперь я обо всем узнаю из новостей.*

Хотя это была неправда. Дэн ее предупредил, через Джеймса, что Джини покончила с собой и что дело могут снова открыть.

Пока она колебалась, думая, в каком тоне заговорить, ее мысли прервал голос позади нее.

– По-моему, ты совершенно права, дорогая. – Голос прозвучал очень близко, словно над самым ухом. Она обернулась. Позади нее, прислонившись к стене, стояла та женщина из церкви. – Но так уж действует полиция. Держит в неведении и скармливает всякую чушь. Вот поэтому Дэнни и бросил это дело. Так он, по крайней мере, говорит.

Она зашла через дверь. Эмма увидела маленькую комнату, заставленную коробками. Там стояло покосившееся кресло, чайник, на полу в углу – грязный поднос с кружками. Женщина сидела там и подслушивала все, о чем они говорили.

– Кто вы? – требовательно спросила Эмма. Затем вспомнила недавнее предупреждение Дэна и, не дав ей ответить, добавила: – Вы репортер?

Женщина хрипло рассмеялась. Ее огромная грудь заколыхалась.

– Я? Нет, дорогая. Я на стороне ангелов. – Она протянула руку размером с лопату. – Вера Стэнхоуп. Детектив-инспектор Вера Стэнхоуп. Полиция Нортумберленда. Я здесь, чтобы разобраться в этом дерьме.

Глава двенадцатая

Эмма подумала, что Вера Стэнхоуп, наверное, самая толстокожая женщина из всех, что она встречала. И не только потому, что она была неуязвима для стыда или обиды. Она была толстокожей в прямом смысле. Кожа на лице была неровной, шелушилась, местами покрывалась экземой. Руки были жесткие, в мозолях. Наверное, у нее какая-то аллергия или болезнь, подумала Эмма, но не смогла проникнуться сочувствием. Вера была не из тех людей, которых можно было пожалеть. Она стояла и смотрела на них обоих, прищурившись.

– Ты что-то говорил насчет кофе, Дэнни? Только не здесь, милый. Пойдемте куда-нибудь, где поуютнее. – Она уставилась на Эмму. – Вы вроде бы живете прямо на площади?

Эмма поняла, чего от нее ждут. Чтобы она пригласила их к себе, усадила в лучшей комнате в доме, сварила кофе, принесла пирожные. И отвечала на вопросы этой чудовищной женщины. Ворошила прошлое. А Вера в это время будет обшаривать своими змеиными глазами все вокруг, изучать, как те любопытные старухи из церкви, которые напрашивались к ней посмотреть ребенка, когда она только вернулась домой из больницы. Она не могла этого вынести.

– Ко мне домой нельзя, – быстро сказала она. – Мой муж спит. Он работал всю ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.